

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт
Департамент лингвистики
Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ М. О. Гузикова

«___» _____ 2021 г.

**ЭРИТАЖНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ
ОШИБОК В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
БИЛИНГВОВ**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, д.ф.н, доц.

Рецензент, к.ф.н, доц.

Нормоконтролер, к.ф.н, доц.

Студент гр. УГИМ-293908

Ю. В. Богоявленская

О. И. Лукина

В. И. Бортников

Е. А. Сергеева

Екатеринбург
2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. История изучения и проблематика билингвизма.....	8
1.1 Феномен билингвизма в эпоху глобализации	9
1.1.1 Определение билингвизма в отечественной и иностранной литературе	10
1.1.2. Виды билингвизма	14
1.1.3 Билингвальная языковая личность: взаимодействие языковых картин мира, нейропсихологическая характеристика и психолингвистические особенности	18
1.1.4 Речепорождение у билингвов. Стандартные и нестандартные носители языка	26
1.2 Типичные ошибки в письменной речи, совершаемые эритажными носителями.....	28
1.3 Лингвистическое обоснование причин совершения ошибок нестандартными говорящими	30
1.3.1 Калькирование.....	32
1.3.2 Языковая интерференция	34
1.3.3 Иные причины морфологических нарушений в письменной речи	38
Выводы по главе 1	41
Глава 2. Использование корпусного подхода в анализе морфологических ошибок при естественном билингвизме	43
2.1. Потенциал корпусного подхода при анализе грамматической стороны письменной речи	43
2.2 Возможности системы экспертного анализа «Лингвистика» при систематизации и обработке данных	47
2.3 Классификация морфологических ошибок в письменной речи носителей эритажного русского языка	48
2.4 Установление причин и обоснование совершения ошибок (на примере контекстов из РУК)	51
2.4.1 Нарушения в склонении числительных и существительных	52
2.4.2 Нарушения в образовании падежных форм	56

2.4.3	Нарушения в употреблении глаголов	62
2.4.4	Калькирование языковых структур из доминантных языков.....	69
2.4.5	Типы речевых ошибок по значимости в коммуникативном акте ...	71
	Выводы по главе 2.....	75
	Заключение	76
	Список использованной литературы.....	79
	Приложения	87

Введение

Рассмотрение феномена унаследованного языка приобретает актуальность в современном мире благодаря глобализации, высокому уровню иммиграции. В связи с этими процессами, огромное количество людей становится билингвами. Билингвизм, в свою очередь, является как прекрасным инструментом к пониманию людей, открывает границы, меняет языковую картину мира, так и, с другой стороны, приводит к интерференции, языковой контаминации и совершению ошибок под воздействием превалирующего языка. Проблемой билингвизма, а в частности развития эритажных языков, занимается эритажная лингвистика, которая, как наука, появилась сравнительно недавно – в XX веке, в США, ввиду большого притока иностранцев в штаты. Ученые стали заниматься исследованием фонетических, морфологических и синтаксических изменений, происходящих в одном языке, под влиянием другого языка.

Существует условное разграничение билингвизма на два типа: искусственный и естественный. Если совершение ошибок под влиянием искусственного билингвизма является нормой при изучении иностранного языка и объясняется таким явлением, как интерференция, то с естественным билингвизмом дела обстоят немного сложнее: несмотря на то, что взаимодействие языков происходит с самого рождения, говорящие совершают ошибки в эритажном языке, под влиянием доминантного языка. Таким образом, встает вопрос о возможности владения двумя или более языками на одном уровне. Эти и многие другие вопросы мы рассмотрим в данной диссертационной работе.

Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности интерферентных проявлений в морфологии русского языка в условиях естественного билингвизма, а также в необходимости осмысления и систематизации морфологических нарушений в письменной речи студентов-билингвов, носителей эритажного русского языка, что может помочь в

выработке путей устранения ошибок в обучении РКИ и разработке конкретных дидактических материалов для преодоления данного типа ошибок.

Объект исследования – морфологические ошибки, допускаемые в письменной речи носителями эритажного (унаследованного) русского языка.

Предмет исследования – типологизация, социолингвистический и коммуникативный аспекты речевых ошибок данного типа.

Цель работы – изучить характер и особенности морфологических ошибок, допускаемых носителями эритажного русского языка в письменной речи.

Достижение поставленной цели осуществлялось посредством следующих задач:

1) раскрыть основные понятия настоящей исследовательской работы: «билингвизм», «эритажный язык», «языковая интерференция», изучить особенности эритажного русского языка;

2) рассмотреть типы языковых нарушений и проанализировать их природу;

3) отобрать контексты в корпусе «Russian Learner Corpus», содержащие морфологические ошибки, выявить их характер, систематизировать и классифицировать в системе экспертного анализа «Лингвистика»;

4) провести социолингвистическое исследование, связав характер ошибок и профиль «эритажника»: его пол и доминантный язык; таким образом проследить особенности языковых нарушений на уровне морфологии в зависимости от принадлежности к группе носителей того или иного языка.

В настоящей диссертационной работе применяются такие **методы и методики исследования** как метод лингвистического наблюдения и описания (описательный метод) с его приемами систематизации, классификации, интерпретации, метод морфологического анализа, приемы семантического,

контекстуального и трансформационного, а также социолингвистического анализа, корпусный и сравнительно-типологический метод.

Теоретико-методологическая база сложилась на основе работ в области теории языковых контактов (Е. М. Верещагин, Л. В. Щерба, Ю. Д. Дешериев, В. Н. Комиссаров, и другие), билингвизма, интерференции и эритажной лингвистике (У. Ванрайх И. А. Зимняя, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. А. Аврорин, М. Полинская, Д. Кристал, К. Бэйкер, А. Келлер и другие), в области контрастивной лингвистики (Л. С. Ермолаева, Б. А. Абрамов, А. Л. Зеленский, Н. Б. Мечковская и другие), а также работ в области социолингвистики (В. А. Звегинцев, Л. П. Крысин, О. С. Парфёнова и другие).

Эмпирическим материалом для анализа морфологических ошибок в письменной речи носителей эритажного русского языка были взяты контексты с морфологическими ошибками, извлеченных из электронного корпуса “Russian Learner Corpus” (далее: «корпус Русских учебных текстов»).

Научная новизна диссертационной работы заключается в проведении социолингвистического исследования природы морфологических ошибок носителей унаследованного русского языка в письменной речи на основе подкорпуса эритажного русского языка. Морфологический анализ ошибок является основой для составления классификации ошибок по типу их совершения.

Теоретическая значимость работы заключается в более глубоком освещении проблемы естественного билингвизма, разработке классификации морфологических ошибок в письменной речи людей с унаследованным русским языком.

Практическая значимость работы заключается в систематизации морфологических ошибок по типу их совершения, что может помочь в выработке путей устранения ошибок в обучении РКИ и разработке конкретных дидактических материалов для преодоления данного типа

ошибок. Полученные в работе результаты можно использовать на занятиях по методике преподавания РКИ, социолингвистике, общему языкознанию.

Апробация данного исследования заключается в участии в научно-практической конференции пятого международного молодежного конвента «Трансформация реальности: стратегии и практики» 25-27 марта 2021 в г. Екатеринбург. Опубликована 1 статья в одноименном сборнике материалов конференции, входящем в РИНЦ.

Работа состоит из двух глав, списка использованной литературы, насчитывающего 80 наименований на русском и иностранных языках, и двух приложений.

Глава 1. История изучения и проблематика билингвизма

Роль грамотности в современном мире сложно переоценить. Грамотность способствует развитию ценностей, норм поведения и морали, мышления и рассуждения, оказывает содействие в плане эмоционального развития, а также формирует критическое мышление. Именно поэтому грамотность является одной из важнейших составляющих гармонично развитой языковой личности. В мире большое количество людей владеют многими языками. Своеобразие языков, их оригинальные грамматические конструкции, определенная сочетаемость слов влекут за собой неизбежное совершение ошибок при переключении языковых кодов. В данной главе мы дадим определение билингвизму, обратим внимание на его виды, а также классифицируем виды двуязычных носителей по определенным параметрам. Помимо этого, мы рассмотрим эритажного носителя языка с точки зрения места среди стандартных и нестандартных говорящих. Для более глубокого, практического анализа ошибок, который мы будем проводить в следующей главе, мы выясним особенности (языковой) картины мира билингвов, нейропсихологические черты (по сравнению с монолингвальными носителями) с точки зрения порождения речи.

Проблемой эритажных языков, их функционирования и развития, занимается эритажная лингвистика (англ. “heritage linguistics”). Эта наука «возникла сравнительно недавно – во второй половине двадцатого века в США, поскольку количество эмигрантов здесь всегда было велико» [Фишмен 2001, 81]. Как и у любой другой науки, у эритажной лингвистики есть свои термины, такие, как: «эритажный язык», «эритажный носитель языка». В ненаучных кругах начинает приживаться новое понятие – «эритажник». «Эритажник (эритажный носитель языка) – в широком понимании – потомок эмигрантов, который пытается сохранить культурную связь с родиной и поэтому во взрослом возрасте решает изучать язык страны, из которой приехали его члены семьи. Обычно такие люди с детства говорят

на языке страны эмиграции. В узком понимании эритажники – это несбалансированные билингвы, то есть дети эмигрантов, которые, будучи вырванными из родной языковой среды, постепенно забывают свой первый язык, унаследованный от родителей» [Polinsky 2007, 368]. Раскрыв понятие естественного билингвизма, мы сможем понять, относится ли эритажный носитель к данной категории, или нет.

1.1 Феномен билингвизма в эпоху глобализации

Наиболее определяющая и универсальная традиция развития общества 20-21 веков – это глобализация. Экономическое сотрудничество и объединенные усилия в решении проблем, имеющих мировую значимость, являются только одной стороной этого процесса. «Его другой стороной закономерно выступает взаимопроникновение культур, осуществляющееся главным образом в распространении унифицированных образцов и стандартов, ценностей и нормативных представлений современной глобальной культуры. Закрепление новых культурных образцов и траекторий деятельности неизбежно затрагивает индивидуальную и коллективную идентичность, инкорпорируя в нее ценности, исторически сформированные другой культурой» [Федорова 2017, 159]. Именно поэтому считается, что процесс глобализации охватывает все стороны национального развития различных народов.

Известно, что «одним из важнейших компонентов этнокультурной идентичности, а также важнейшим критерием идентификации является родной язык» [там же]. По мнению Е.Ю. Литвиненко, «одной из проблем происходящей глобализации становится проблема языкового выбора, которая неизбежно ведет к принятию или отторжению идей билингвизма, которая обострилась с распадом бывших колониальных империй, когда вновь появившиеся государства столкнулись с проблемой языкового выбора» [Литвиненко 2000, 13]. Проблема языкового выбора существует и по сей день. Многие страны, из социальных и политических соображений, устанавливают

равное использование нескольких языков на территории одного государства, либо официально закрепляя 2-3, а иногда и больше, либо ведя политику многоязычного государства. Как например, Россия – её официальным языком является русский язык, но ввиду того, что РФ является светским и многоязыковым государством, использование других языков не лимитировано.

Ниже мы рассмотрим вариативность определений билингвизма, его взаимодействие с терминами «многоязычие», «мультилингвизм», «полилингвизм», исследуем виды билингвизма. Обратим внимание на механизмы речепорождения и переключения языкового кода у носителей нескольких языков. С привлечением методической, филологической и лингвистической литературы обоснуем место билингвизма в современную эпоху.

1.1.1 Определение билингвизма в отечественной и иностранной литературе

Явление билингвизма рассматривалось рядом исследователей, таких как: В. Н. Комиссаров, И. А. Зимняя, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. А. Аврорин, Л. В. Щерба и другие, и определялось как владение и попеременное использование двух языков в зависимости от условий речевого общения. Понятие билингвизма рассматривается по-разному отечественными и иностранными учеными.

В русскоязычной литературе мы находим большое количество определений, которые в разной степени полноты выражают понятие билингвизма. Для начала, обратимся к базовому понятию билингва. Э. Г. Азимов определяет билингва следующим образом: «билингв – человек, владеющий двумя языками» [Азимов 2009, 29]. Несмотря на то, что в словарях определения похожего типа встречаются достаточно часто, данное определение не в полной мере раскрывает аспекты билингвизма.

Определения билингвизма раньше имели тенденцию рассматривать билингвизм как равное владение двумя языками. Такое представление даётся в англоязычном кембриджском электронном словаре: «Билингвизм – это владение и использование двух языков на одном уровне» [Cambridge dictionary]. Это определение интересно рассмотреть с точки зрения унаследованного языка. Вследствие перевода, смысл определения выше был немного искажён в целях получения более литературного перевода. Оригинальное словосочетание в конце дефиниции, которое мы перевели как «на одном уровне» было “equally well”, что переводится как «одинаково хорошо». Возникает закономерный вопрос: можно ли назвать носителя унаследованного языка билингвом? Зачастую носители эритажного языка нарушают языковые нормы по ряду причин, которые мы рассмотрим в следующих параграфах данной исследовательской работы. Это означает, что владение несколькими языками, чаще всего, находится не на одном уровне.

С течением времени взгляды на билингвизм меняются. «Современные же определения дают намного большую вариативность компетенций, которыми должен обладать билингв» [Эдвардс 2013, 5]. Это объясняется тем, что в современном мире очень большому количеству людей необходимо владеть несколькими языками. Но не все эти люди могут называться билингвами. Очертить границы билингвизма представляется достаточно сложной задачей. В её решении нам поможет современный подход к определению феномена билингвизма, а также его структура и компетенции, которыми должен обладать билингв.

В отечественной литературе более развёрнутое определение мы встречаем у О. В. Легостаевой: «билингвизм рассматривается как сложное, системное, внутриличностное образование, которое включает в себя определённую новую языковую (знаковую) систему, умение использовать её в ситуации общения, коммуникации (коммуникативный аспект)» [Легостаева 2014, 94]. Отсюда видно, что данный феномен имеет

сложную структуру, индивидуален, включает в себя владение определенными компетенциями. С другой стороны, это определение раскрывает больше методическую сторону овладения иностранным языком, то есть так называемый «искусственный (учебный) билингвизм». Однако, если учесть тот факт, что носитель эритажного языка может изучать язык родителей в сознательном возрасте – это явление тоже можно назвать искусственным билингвизмом.

В отечественной литературе можно найти два понятия – двуязычие и билингвизм, которые стоит считать синонимичными. Понятие «двуязычие», в целом, можно считать морфологической калькой (поморфемным переводом) слова «билингвизм», так как оно происходит от латинского «bi» – два и «lingua» – язык. Т. С. Серова дает определение двуязычию: «Двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Серова 2010, 44]. То есть автор обращает внимание на искусственный, приобретенный билингвизм, в связи с изучением иностранного языка. Похожее определение находим у Л. Блумфилда, который определил билингвизм как «добавление «идеально» выученного языка к своему родному, неисчерпаемому языку» [Цит. по Бхатия 2006, 10]. По мнению лингвиста, два языка становятся единым целым в сознании индивида. Но, как отмечает Т. Бхатия: «он [Блумфилд] однако сам запутал понятие еще больше, признавая несовершенство определения» [там же]. Вероятно, Т. Бхатия в определении Л. Блумфилда нашёл выражение «неисчерпаемый язык» контекстуально неподходящим.

И в отечественной, и в зарубежной литературе существует взаимодействие понятий «билингвизм» и «многоязычие». Е. С. Зинович разграничивает два термина, такие как билингвизм и многоязычие. «Билингвизм – двуязычие – владение двумя языками; использование двух равноправных государственных языков в одной стране» [Зинович 2006, 58]. То есть здесь подчеркивается индивидуальный аспект выбора и

попеременного использования нескольких языков внутри одной социальной общности, который зависит от реципиента. «Многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) – употребление нескольких языков в пределах определённой социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [там же, 291]. Здесь мы видим политический аспект, вынужденное владение несколькими языками в рамках одной многоязыковой страны. Основная часть населения говорит больше, чем на одном языке. Примером многоязычия может послужить Люксембург. Люксембург – достаточно небольшое европейское государство. Однако на его территории существует 3 официальных языка: люксембургский, французский и немецкий. Из-за большого уровня иммиграции в эту страну, дети могут говорить на пяти языках.

В иностранной литературе билингвизм и мультилингвизм используются как синонимы: «билингвизм и мультилингвизм можно рассматривать как владение индивида» [Бэйкер 2001, 2]. Вероятно, зарубежные учёные понимают мультилингвизм как владение больше, чем двумя языками, тогда как билингвизм – владение двумя языками (от латинского слова «bi» – два).

Делая вывод, мы можем сказать, что на данный момент существует значительное количество определений (терминов), которыми описываются люди, владеющие несколькими языками. В названии нашей магистерской работы и на всём ее протяжении мы отдали предпочтение понятию «билингв», так как, на наш взгляд, это более распространенное понятие как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Билингв – человек, владеющий двумя или более языками. Изучив теоретические аспекты, мы приходим к тому выводу, что билингвизм бывает разных видов. Об этом мы напишем в следующем параграфе.

1.1.2. Виды билингвизма

В параграфе выше мы выяснили, что скрывается под понятием «билингв». От того, насколько уверенно человек владеет несколькими языками, от скорости переключения кодов, уровня владения языками и врождённой составляющей зависит тип билингвизма. Ниже мы приведём несколько классификаций, предложенных разными учёными. Данные классификации состоят из методов, на которых базируется типология билингвизма.

Таблица 1. Классификация типов билингвизма

Автор	Методика классификации	Типы билингвизма
М.М. Михайлов	1) характер компонентов двуязычия; 2) степень владения им; 3) характер связи двуязычия с мышлением; 4) степень распространенности; 5) метод распространения; 6) характер распространенности; 7) время владения; 8) способ владения 9) форма функционирования двуязычия	Массовый, групповой, индивидуальный, ранний, поздний, устный, письменный, двуединый, непосредственный, опосредованный, близкородственный, неблизкородственный и т.д.
Н. Baetens-Beardsmore	1) время владения; 2) степень владения; 3) форма функционирования	Приобретенный (achieved),сопутствующий (additive),прогрессирующий (ascendent),приписываемый (ascribed),асимметричный (asymmetrical) и другие
С.И. Манина	С точки зрения распространенности билингвизма в обществе и характера возникновения	Массовый, индивидуальный, каждый из которых может быть естественным и приобретенным
Т.А. Бертагаев	В зависимости от степени охвата людей, владеющих родным и иностранным языками; при этом уровень владения языками не принимается во внимание	Индивидуальный, групповой, массовый и сплошной билингвизм

Сьюзен Эрвин-Трипп	По степени взаимодействия или разграничения языков в речевой деятельности билингва	Совмещенное и координативное двуязычие (compound, coordinate)
Л.В. Щерба, Г.М. Верещагин	По характеру совмещения в сознании билингва двух разных лингвистических систем	Комбинированный и соотнесенный
Л.В. Щерба	По соотнесенности двух речевых механизмов в сознании билингва (психолингвистический критерий)	Чистый и смешанный билингвизм
Ю.Д. Дешериев	По степени близости контактов между билингвом и носителями языка / по направленности владения языком	Контактные и неконтактные типы двуязычия / одностороннее и двустороннее двуязычие
Е.М. Верещагин	По коммуникативной активности	Продуктивный, репродуктивный и рецептивный
В.И. Беликов, Л.П. Крысин	По степени активности использования языка	Активный, пассивный (рецептивный), двусторонний пассивный (дуалингвизм)
А.А.Залевская, И.Л. Медведева	По характеру процесса овладения языками	Искусственный и естественный
Ж.Ф. Хамерс и М. Бланк	По времени овладения языком	Ранний (синхронный), последовательный, подростковый, взрослый

Как видно из таблицы, за основу многих классификаций билингвизма взяты параметры уровня и продолжительности владения языком – ведь это одна из ключевых вещей при признании человека истинным билингвом, который умеет компетентно общаться на нескольких языках.

Интересно отметить критерий характера связи мышления и двуязычия (М. М. Михайлов, Л. В. Щерба, Е. М. Верещагин), а именно: какие

психологические процессы задействованы в сознании билингва при речепроизводстве на том или другом языке.

Следующий важный момент классификации был направлен на активность применения языка. И самое значимое в нашей работе, наряду со временем и уровнем владения языком, – характер приобретения языковой компетенции. А именно: как человек овладел тем или иным языком.

Таким образом, зарубежные и отечественные ученые выделяют разные типы билингвизма, поэтому особый интерес представляет способ приобретения двуязычия.

В целом, существуют разные названия типов двуязычия с точки зрения его приобретения, но они так или иначе разделяют билингвизм на два вида: естественный (или бытовой, *circumstantial*) и искусственный (или учебный, приобретенный, *elective*).

Мы можем говорить о естественном билингвизме, если он происходит в условиях одной социальной многоязычной группы, где индивид вынужден попеременно использовать несколько языков. «Естественный билингвизм – это тип билингвизма, выделяемый на основании способа овладения вторым языком: второй язык билингва является усвоенным, а не выученным, как при искусственном билингвизме. Естественный билингвизм часто встречается в двуязычных семьях, а также в двуязычных малых социальных группах. Усвоение языка может одновременно подкрепляться его изучением. При естественном билингвизме происходит автоматическое переключение с одного языка на другой» [Легостаева 2014, 96].

Искусственный же билингвизм возникает, когда индивид самостоятельно принимает решение изучить другой язык (или законный представитель отдает своего ребенка на языковые курсы – для общего развития, или иных целей), его решение не является вынужденным, так как языковая ситуация в стране, в которой он живет, монолингвальна. Например, гражданин России – господин Б., проживающий на территории РФ, принимает

решение выучить английский язык. Независимо от цели изучения, господин Б. будет являться искусственным билингвом.

Таким образом, носитель эритажного языка – естественный билингв, владеющий языком своих родителей с рождения, но вынужденный говорить на языке окружения в обществе, вне дома. Ситуацию с овладением несколькими языками в США описывает Дж. Эдвардс: «Среднестатистический иммигрант в Соединенных Штатах Америки – билингв. Он владеет английским и другим, родным ему языком» [Эдвардс 2013, 6]. Напомним, носитель эритажного языка – это, как правило, ребенок родителей-иммигрантов. Таким образом, в своем определении билингва Эдвардс говорит о носителе эритажного языка – естественном билингве.

В иностранной литературе билингвизм получает дальнейшее разветвление на подвиды (С. Бэйкер, Дж. Эдвардс). Билингвизм может быть рассмотрен с точки зрения социального и индивидуального аспекта. Именно это аспектное разделение даёт нам право назвать носителя эритажного языка билингвом в его индивидуальном аспекте. «Человек может говорить на двух языках, но стремится говорить только на одном. Или же человек может постоянно, попеременно говорить на двух языках, но быть ограниченным в рамках компетенции одного языка» [Бэйкер 2001, 3]. По словам К. Бейкера, у двуязычного носителя действительно могут быть лимитированы языковые компетенции в одном из языков. Это объясняется частотой и сферой использования второго языка.

Тем не менее, билингв не всегда в равной степени идеально владеет двумя или более языками. Ввиду того, что под естественными билингвами мы понимаем выросших в двуязычной среде людей, ситуация развития билингвов зачастую представляется следующей: когда люди переезжают на постоянное место жительства в другую страну, их дети достаточно быстро теряют родной язык (язык своих родителей), так как язык окружающей действительности, его

грамматическая система и языковые законы превалируют над другим языком, который билингв знает только от родителей. Несмотря на это, как отмечает Д. Ю. Петров, российский лингвист и переводчик: «<...> в последние годы процесс потери языка затормозился. Потому что люди, а особенно молодые люди, половину своей жизни проводят в виртуальном пространстве. Всё это пространство позволяет им независимо от того, где они физически находятся быть в мире с людьми, с которыми им приятно общаться. А им приятно общаться прежде всего на языке, привычном с детства».

Интересную мысль предлагает Лаури: «Если бы ребенок мог одинаково хорошо говорить на двух языках, тем было бы хуже. Тем самым его интеллектуальный и духовный рост не удвоится, а уменьшится вдвое. Единству разума и характера было бы очень трудно заявить о себе в таких обстоятельствах» [Laurie 1890, 15]. Возможно, Лаури говорит о возможных психологических проблемах, при владении несколькими языками. В следующем параграфе мы рассмотрим билингвальную языковую личность, особенности и отличия мышления билингвов от монолингвов.

Таким образом, мы сделали обзор классификаций билингвизма отечественных и зарубежных ученых. Определили, что носитель эритажного языка относится к естественному типу билингвизма. Несмотря на то, что овладение языком у билингва произошло естественным путем, человек может совершать грубые ошибки, говоря на своем эритажном (непривалирующем языке). Это случается ввиду того, что двуязычный носитель нечасто использует эритажный язык в повседневной жизни.

1.1.3 Билингвальная языковая личность: взаимодействие языковых картин мира, нейропсихологическая характеристика и психолингвистические особенности

Известно, что формирование языковой личности происходит под влиянием языка и окружающей действительности. Для обширного

рассмотрения языковой личности у билингвов, обратимся к определению, структуре и признакам языковой личности в целом.

Термин языковой личности был введён в научную сферу Ю. Н. Карауловым. Согласно его определению, языковая личность – это «человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [Караулов 1989, 3]. Автор сосредотачивает свое внимание на уровне владения тем или иным языком. Из определения видно, что даже изучающий язык человек может называться языковой личностью.

У языковой личности есть определенные признаки. Ю. Н. Караулов и З. Ю. Басте выделяют: «1) владение системой языковых средств и умение использовать их в речевом общении; 2) понимание значения слов-концептов и их глубинного культурно-семантического смысла; 3) владение культурными кодами, отраженными в национальном языке; 4) знание и понимание прецедентных текстов, значимых для личности в познавательном и эмоциональном отношениях» [Караулов 1987, 216]; 5) «адекватный выбор слов-концептов и прецедентных феноменов в координатах конкретного коммуникативного акта; 6) корректная интерпретация лингвокультурологической информации в любом тексте, в том числе и художественной литературы и др.» [Басте 2019, 18]. Все вышеперечисленные признаки справедливо будет отнести к языковой личности, владеющей одним языком, так как отсутствует упоминание о возможности равного применения этих компетенций, при общении на двух и более языках.

Рассмотрим три структурных уровня, которые прослеживаются в модели языковой личности Ю. Н. Караулова: Первый – «вербально-семантический, предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком. Второй уровень – когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой

индивидуальности в упорядоченную «картину мира». Третий – прагматический – выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности» [там же]. Взаимодействие вышеперечисленных уровней языковой личности порождает так называемое «коммуникативное пространство личности».

Перечислим наиболее значимые компетенции билингвальной личности: «1) усвоение системы языковых единиц и умение общаться во всех сферах жизни на двух языках; 2) создание в сознании билингва двух языковых картин мира, что предполагает усвоение билингвом ключевых слов-концептов не только родного, но и второго языка, что будет способствовать вхождению билингва в новую социальную и культурную языковую действительность» [там же]. Ввиду неразрывной связи языка и культуры, человек, владеющий несколькими языками, обладает несколькими языковыми картинками мира (в зависимости от количества языков, которые он знает).

Рассмотрим определение картины мира. С точки зрения В. А. Масловой, картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке. Она может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияет язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы» [Маслова 2001, 64]. Иными словами, картина мира – отражение реального мира в сознании личности.

Языковая картина мира интерпретируется как «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний. При таком подходе язык – определенная концептуальная система и средство оформления концептуальной системы знаний о мире» [Шарикова 2011, 165]. Более культуроориентированный подход в определение языковой картины мира привносит З. Д. Попова: «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [Попова 2002, 5]. В. В. Красных

уточняет, что «... языковая картина мира состоит из «блоков» (понятийных, концептуальных), которые определяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, причем эти «блоки» имплицитны и неощутимы, неосознаваемы, как неосознаваем нами воздух, когда его достаточно и он таков, к которому мы привыкли» [Красных 2002, 166]. Таким образом, языковая картина мира – отражение действительности через язык, его концептуальную составляющую.

Люди, владеющие двумя и больше языками, обладают несколькими языковыми картинами мира, так как каждое слово, концепт, представлены по-своему, где язык влияет на восприятие. «Понимание языка неразрывно связано с отражением, т.е. чтобы понять и принять язык необходимо отразить предмет или действие в мозгу, при котором неизвестное, незнакомое нам, становится близким и понятным» [Алоян 2008, 73]. Автор, как и в своё время немецкий учёный В. Гумбольдт, связывает язык и мышление воедино, показывая, что одно не может существовать без другого. Поэтому мышление билингва многогранно, концептуально наполнено, что играет решающую роль в восприятии мира и языковом поведении билингва.

Необходимо отметить, что в системе билингвизма имеют особое место социокультурный и лингвокультурный аспекты. «В условиях билингвизма значительно расширяются горизонты социализации, в орбиту человеческих интересов вовлекаются совершенно новые, зачастую несхожие культурные пласты» [Колыхалова 1999, 6]. То есть, владение двумя языками предполагает знание менталитета народа-носителя языка, а также осознание картины мира носителей доминантного языка. Очевидно, что эти два аспекта имеют место в сознании билингва, так как он взаимодействует с окружающей его действительностью, людьми, но при этом сохраняет культурную идентичность, менталитет предков (в случае, если родители билингва – иммигранты).

При рассмотрении лингвокультурного аспекта, в рамках попеременного использования двух и более языков, встает вопрос о языковых культурных различиях и чем они обусловлены. Культурные различия в языке иногда связаны с понятием лакуны. «Лакуна (от. лат. “lacuna” – углубление, впадина) — отсутствие в одном из языков наименования того или иного понятия» [Хакимова 2015, 240]. Лакуны формируются в условиях социально-политической и культурной реалии страны, где используется тот или иной язык. Иначе говоря, лакуна может считаться культурным концептом. Белянин В. П. отмечал, что «в лингвистике и психолингвистике под «лакунами» понимаются базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, затрудняющие понимание некоторых фрагментов текстов инокультурными реципиентами» [Белянин 2003, 95-96]. Совершенно точно, что уровень владения языком напрямую зависит от частоты его использования. Даже говоря о естественных билингвах, мы не можем безошибочно определить, воспринимает ли человек один язык как «родной», и второй – «инокультурный», несмотря на то что он может владеть двумя или более языками в примерно равной степени с рождения. Но в сознании билингва лакуны, как правило, отсутствуют, так как два языка являются родными (усвоенными в детском возрасте) для личности.

Для того чтобы успешно освоить язык в естественных условиях, необходимы определенные способности. Термин лингвистические (языковые) способности условен. В данном случае имеется в виду не собственно возможность овладеть любым из национальных языков в онтогенезе, а предрасположенность к усвоению языков.

С точки зрения нейролингвистики, «лингвистические способности обеспечены активностью как правого, так и левого полушарий головного мозга. Для грамматической восприимчивости, индуктивной обработки поступающих языковых сигналов необходим анализ и систематизация поступающих сигналов, обеспечиваемые работой левого полушария, в то

время как механическое запоминание речевых отрезков и ассоциирование звучания с денотатом обеспечиваются работой правого полушария головного мозга» [Башкова 2013, 56]. Отсюда ясно, что оба полушария мозга двуязычного носителя работают в тандеме, при том, что левое полушарие отвечает за более креативную работу (грамматические навыки, обработка поступающей информации), в то время как правое – механическое запоминание является работой правого полушария мозга.

Нейролингвистические особенности усвоения языка, описанные выше, ставят перед нами вопрос о временных рамках начала усвоения второго языка, чтобы двуязычный носитель мог считаться естественным билингом. «Освоение языка в естественных условиях существенным образом зависит от возраста предъявления Я2. Билингвизм считают детским в том случае, когда более чем один язык предъявляется ребенку, не достигшему трех лет» [там же, 57]. То есть естественными билингвами считают людей, овладевших языком не позднее, чем в возрасте трёх лет.

Существует три подхода к овладению языком в онтогенезе: конструктивистский, статистический (коннекционистский) и основанный на правилах (генеративистский). «Последний подход поддержан авторитетом Н. Хомского и восходит к его постулату о врожденных структурах, позволяющих ребенку освоить любой из языков. Наиболее продуктивным в отечественной онтолингвистике считают конструктивистский подход, связанный с именем М. Томазелло, согласно которому ребенок конструирует систему родного языка на основе переработки инпута» [Цейтлин 2000, 64]. В сущности, конструктивизм в определенной степени опирается на статистический (коннекционистский) подход: при усвоении первого языка требуются способности к индукции.

Статистический подход объясняет, каким образом происходит отбор количества наблюдений, достаточного для конструирования системы. Статистический подход предполагает научение в результате параллельной

обработки речевых сигналов и визуального ряда (инпута), описывает процесс индуктивного научения языку. «Ребенок «использует» несколько статистик одновременно. Накопление количества наблюдений позволяет закрепить связь звукового ряда со смыслом и вычлениить отдельные единицы в потоке речи» [Башкова 2013, 60]. Процесс распознавания, запоминания и применения языковых правил статистический подход не объясняет, так как здесь требуются не только статистические закономерности.

«У монолингвов и ранних билингвов структура межполушарного взаимодействия в речевых процессах аналогична; в случае позднего усвоения второго языка правое и левое полушария взаимодействуют по-разному при обеспечении речевой деятельности на Я1 и Я2» [Котик 1988, 142]. Отсюда возникают проблемы при изучении языков после трех лет (при искусственном билингвизме).

Однако, «в случае раннего билингвизма при одновременном освоении языков Я1 и Я2 обеспечиваются одними и теми же нейропсихологическими механизмами» [Hamers 2000, 76], что даёт возможность легче общаться на языке.

Лексический выбор в тестах, распознавание речи при шумах, тесты на скорость припоминания слов двуязычные носители делают хуже, чем монолингвы, вероятно из-за интерференции между известными им языками.

По мере того, как коммуникативный билингвальный опыт накапливается, контроль и переключение языковых кодов автоматизируется и впредь происходит бессознательно. «На самом деле, билингв общается на Я1 и Я2, как правило, в непересекающихся коммуникативных ситуациях, то есть речевой опыт на каждом из языков за одно и то же время у него меньше, чем у человека, использующего только один язык во всех сферах коммуникации. Соответственно у билингва не могут сформироваться столь же прочные нейронные связи между звуковым (или графическим) образом слова и его значением, поскольку вместо одного нейронного пути от аудиообраза

(графического образа) к семантическому хранилищу ведут два разных нейронных пути, сила каждого из которых зависит от частотности коммуникативного опыта на Я1 и Я2» [Dijkstra 2005, 183]. При сбалансированном билингвизме и регулярном употреблении двух языков, оба языка остаются активными и доступны в любой ситуации. Но едва ли возможно допустить равное употребление языков в повседневной жизни.

Интересно, что по мнению Е. Бялисток, «ирония изменения активности мозга у билингвов заключается в том, что лингвистический опыт обеспечивает преимущество в обработке невербальной информации и решении невербальных задач за счет уменьшения объема знаний каждого из известных и регулярно используемых языков» [Бялисток 2009, 8]. Это говорит о том, что ресурсы человеческого мозга всё же не безграничны. Поэтому, при обработке новой информации и ее запоминании, наш мозг стирает наиболее редко используемые единицы. Именно поэтому доминантный язык, который используется чаще в языковой среде билингвального носителя, имеет настолько большое влияние.

Тем не менее, «по статистике билингвы обладают более хорошими умственными способностями. Билингв умеет одновременно поддерживать активность обоих языков, концентрируясь на двух разных вещах, реже совершая ошибки, чаще добиваясь поставленных целей. Двуязычные люди крайне внимательны, более изобретательны и находчивы. У них развиты смекалка, находчивость, креативное мышление. У билингвов крепкая память и гибкий ум, они запоминают в два раза больше» [Калашникова 2017, 15]. Более того, по психолингвистическим параметрам, билингвы намного реже бывают подвергнуты психическим расстройствам, так как набор языковых средств на разных языках, содержащийся в памяти носителя, благотворно влияет на психические процессы в мозгу и сознание двуязычного носителя.

«Два языка предстают в виде определенных схем внутри единой когнитивной системы и обладают общими когнитивными ресурсами

(памятью, вниманием и т.д.)» [Тамерьян 2009, 55]. Две языковые системы сосуществуют в состоянии соревнования за ограниченное количество памяти и обрабатываемого (процессуального) пространства в сознании говорящего. Элементы каждой языковой системы привязаны к соответствующему узлу, который позволяет активировать только одну языковую систему без привлечения другой, по крайней мере, для речепроизводства. Составляющие внутри каждой языковой системы тесно взаимосвязаны.

Суммируя всё вышесказанное, отметим, что билингвальная языковая личность, как и монолингвальная, имеет структуру, в целом, идентичную структуре языковой личности монолингвов, однако их признаки отличаются. Люди, владеющие двумя и более языками, обладают несколькими языковыми картинами мира, так как восприятие, отражение мира равно языку и языковым средствам, используемых говорящим.

1.1.4 Речепорождение у билингвов. Стандартные и нестандартные носители языка

Рассматривая явление билингвизма с точки зрения речепорождения, нам стоит обратить своё внимание на понятие стандартного и нестандартного говорящего.

«Нестандартный говорящий – не вполне полноценный носитель языка (например, двуязычный носитель, эмигрант, во взрослом состоянии оказавшийся в чужой стране, ребенок эмигрантов, выросший в иноязычной среде) или неноситель языка (т.е. человек, который этот язык только изучает)» [Арто 2010, 5]. Из определения нестандартного говорящего, выведенного финским профессором русского языка М. Арто, мы видим, что понятие двуязычия выходит за рамки стандартного использования одного языка. Это может происходить ввиду ряда причин. Одной из них будет являться интерференция.

Считается, что стандартный говорящий – «истинный» носитель языка, говорящий на нём с рождения, усваивает готовые языковые конструкции для

воспроизведения их при дальнейших речевых высказываниях. Как известно, язык – система, а речь – воспроизведение этой системы. Так вот система языка стандартного говорящего строится на огромном количестве языковых блоков-готовых конструкций, а языковая система нестандартного говорящего представлена в виде отдельных языковых единиц (слов, фраз, выученных предложений) и не обладает большой идиоматичностью. Как отмечает А. С. Выренкова: «такой [нестандартный] говорящий, с одной стороны, не вполне уверен в своей собственной языковой компетенции, а с другой, не может в полной мере положиться и на общность своего языкового опыта с опытом слушающего. Риск быть непонятым для него слишком велик, так что он просто не может позволить себе быть сколько-нибудь идиоматичным» [Выренкова 2014, 4]. Автор сосредотачивает своё внимание на механизме речепорождения нестандартного говорящего, отмечает, что этот механизм отличается от механизма носителя языка.

Говоря о речепорождении двуязычных носителей, нельзя не отметить факт влияния доминантного языка. Одни ученые предполагают, что две языковые системы находятся в полной изоляции друг от друга. Другие ученые настаивают, что, создавая высказывание на эритажном языке, человек строит его на основе доминантного языка, то есть частотным является интерферирование.

Итак, несмотря на то что носитель эритажного языка овладевает языком с рождения, он занимает пограничное положение между стандартными и нестандартными носителями языка, на наш взгляд. Ввиду того, что эритажные носители усваивают устную форму языка в раннем детстве, и впоследствии, как правило, не получают должного обучения правописанию, пунктуации и тому подобное (то есть не получают академического образования по письменному языку), появляется проблема построения письменной речи, так как устная речь не идентична письменной речи.

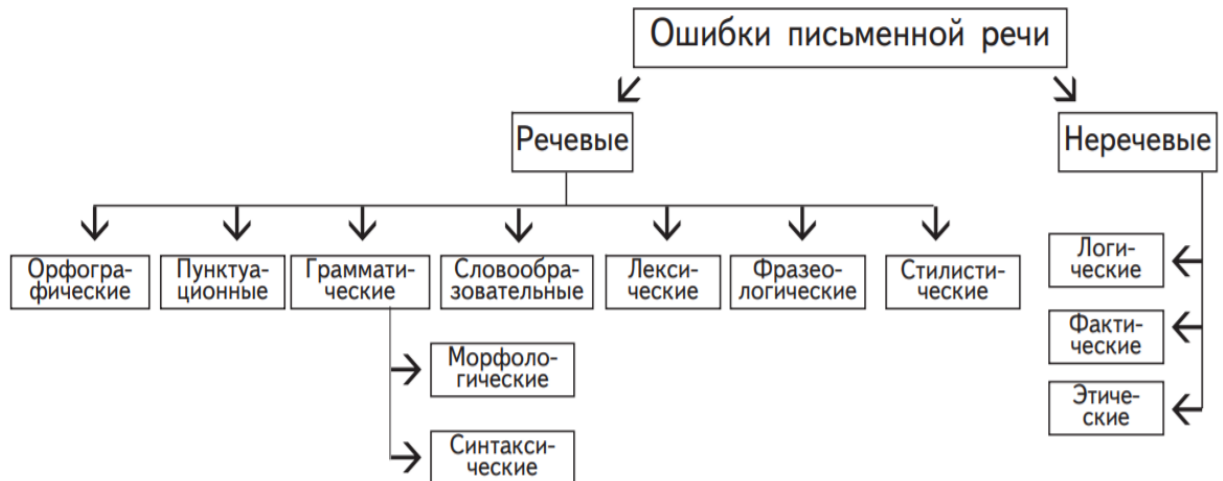
1.2 Типичные ошибки в письменной речи, совершаемые эритажными носителями

Как и монолингвы, билингвы совершают ошибки как в устной, так и письменной речи. Как правило, на письме морфологические ошибки более идентифицируемы. В речи носитель языка редуцирует окончания, поэтому зачастую непонятно, было ли использовано верное окончание или нет. Также говорящий нередко ускоряет темп речи с возможным выпадением служебных частей речи, производит слияние звуков (слов) между собой. В письменной речи, когда возникает потребность грамматически верно выразить мысль, обнажаются пробелы в знаниях.

До настоящего времени существуют споры в лингвистических кругах, какой термин является верным: *языковая ошибка* или *языковое нарушение*. «Граница между грубым нарушением языковых норм (ошибкой) и негрубым (недочетом) условна, и не всегда возможно оценить степень серьезности нарушения» [Потапова 2015, 27]. Как мы видим Л. С. Потапова использует понятия *ошибка*, *недочет*, *нарушение*, описывая одно концептуальное значение. В нашей работе мы будем использовать эти термины синонимично. В связи с этим, в случае необходимости, можно использовать термин *грубая/негрубая ошибка*. Однако более целесообразными в данном случае кажутся термины *коммуникативно-значимая/коммуникативно-незначимая ошибка* – то есть влияющая или не влияющая на понимание всего высказывания ошибка.

Существует немалое количество классификаций ошибок в письменной речи. Для начала, мы рассмотрим базовую схему.

Рис.1 Ошибки в письменной речи

Данную классификацию предлагает Л. С. Потапова [Потапова 2015, 27]. Ошибки письменной речи делятся на речевые (нарушение законов языка) и неречевые (фактические, логические, этические). Речевые ошибки подразделяются еще на 7 ветвей, три из которых отображают уровни языка: орфография (орфографические), пунктуация (пунктуационные), грамматические (грамматика); а также лингвистические разделы: словообразовательные ошибки (словообразование), лексические (лексика), фразеологические (фразеология), стилистические (стилистика).

Грамматические ошибки имеют дальнейшее подразделение на морфологические и синтаксические, которые тоже отождествляют направления в языкознании: морфологию и синтаксис.

Морфологические ошибки – это ошибки, связанные с употреблением частей речи. Именно поэтому самая распространенная классификация морфологических нарушений базируется на групповом объединении ошибок по частям речи.

Несомненно, все предложенные типы ошибок совершаются не только монолингвами, но и билингвами. Мы рассмотрели базовую классификацию всех видов письменных нарушений. Однако за языковыми аномалиями в письменной речи билингвов зачастую стоят иные причины. Ошибки

двухязычных носителей отличаются от языковых нарушений монолингвов влиянием интерференции доминантного языка.

Итак, существует несколько классификаций языковых нарушений. В данном параграфе мы рассмотрели нарушения речевые и неречевые, дали краткую характеристику каждому из них. В нашей работе мы отдали приоритетное место изучению морфологических ошибок. В исследовательской главе мы обратимся к Русскому учебному корпусу для анализу морфологических ошибок, допускаемых носителями эритажного русского языка, и составим их классификацию, которая отразит их специфические особенности.

1.3 Лингвистическое обоснование причин совершения ошибок нестандартными говорящими

Выше мы разобрали понятие языковой картины мира. В случае билингвизма, речь идет об овладении сразу несколькими языковыми картинами мира. Можно предположить, что их корреляция перевешивает в сторону той языковой картины мира, которая отражает окружающую билингва языковую действительность большую часть времени, так как она имеет большее влияние на формирование сознания человека. То есть логичным будет установить, что языковые картины мира билингвов развиваются не в достаточно равных условиях. Языковая картина мира имеет большое влияние на речепорождение.

Овладение языком начинается с младенческого возраста. На самом деле, носители эритажного языка овладевают речью, «не постигая языка как особого рода устройства, её порождающего» [Цейтлин 1982, 6]. Языковая система, которую использует ребенок, формируется на основе устной речи взрослых. Впитываемый ребенком материал проходит процесс переработки информации и упорядочивается определенным образом. Процесс самостоятельного построения грамматической системы в голове ребенка приводит к трудностям при речевых ситуациях и темах, которые ребенку неизвестны. Поэтому

речевой опыт ребенка считается достаточно ограниченным. Если эритажный носитель ограничивается только выученным в детстве языком, не развивая свои речевые умения посредством чтения, научной работы, общением в других сферах, используя эритажный язык, есть большая вероятность, что знание языка останется на уровне детского познания, неразвитой письменной речи и будет включать в себя лишь бытовые термины. Соответственно, языковая компетентность на первом языке будет ниже, чем на втором.

Для естественных билингвов часто характерна устойчивая связь «человек-язык». «С одними людьми они говорят на одном языке, а с другими – на втором. У билингвов один из языков обычно бывает доминантным. На нем человек легче выражает свои мысли, чаще думает, быстрее читает. Перевод на доминантный язык обычно удается лучше» [Калашникова 2017, 13]. Однако, процесс перевода не является важным для общения билингва. Два коммуникативных опыта, как правило, не пересекаются в одной речевой ситуации.

Ученые выдвинули предположение о том, что совершение ошибок в письменной речи билингвов может быть связано с интерференцией присущей одной языковой картине мира слов и выражений на другой, недоминирующий в жизни билингва язык. Интерференция является основной причиной языковых нарушений, а калькирование – подвидом интерференции. Хотя есть и такие исследователи, которые придерживаются мнения о том, что интерференция – причина совершения ошибок у искусственных билингвов. Поэтому существует мнение о том, что естественные билингвы, используя две языковые системы, могут изобретать новые конструкции, слова в недоминантном языке.

Иной причиной совершения ошибок становится лингвистическая некомпетентность. Известно, что даже монолингвы могут плохо владеть одним языком ввиду того, что плохо учили правописание и грамматику в школе. В одном из параграфов выше мы говорили о так называемых

лингвистических способностях – это способность мозга усваивать языковые средства и уметь применять их в речи. Отсутствие практики чтения и письма на недоминантном языке ведет к безграмотности носителя. Более того, носители эритажных языков с самого детства усваивают, как правило, устную форму языка больше, чем письменную. Так как они перенимают язык от родителей в устной форме, при повседневном общении дома. «Эритажный носитель находится в условиях, когда доступ к языковому материалу ограничен (*reduced input*), именно поэтому он не может усвоить весь инвентарь русских конструкций, а значит, будет допускать ошибки при их использовании» [Ладыгина 2015]. Отсюда проблемы в письменной речи (например, фонематическое письмо), незнание терминов и более узкоспециализированных, менее используемых в устной речи слов.

Разобрав логические причины лингвистических нарушений двуязычных носителей, обратим внимание на основные процессы, которые мешают билингам грамматически правильно изъясняться на эритажном языке, такие как калькирование и интерференция.

1.3.1 Калькирование

Считается, что двуязычные носители, хорошо владея часто используемым в их жизни языком (доминантным), могут совершать ошибки, ввиду переноса «наиболее родных» конструкций одного языка, на менее используемый язык (эритажный). Этот процесс называется калькированием. Калькирование является одним из способов заимствования, то есть это процесс построения лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного (или доминирующего) языка путем точного перевода их значимых частей или заимствование отдельных значений слов. Соответственно различают кальки лексические и семантические.

Примером лексического калькирования может послужить русское слово *выглядеть*, которое образовано по немецкой модели глагола *aussehen* в

результате калькирования приставки *вы-*, которая равна немецкой *aus-* и глагольной основы *глядеть* (нем. *sehen*).

Если лексическое калькирование для заимствования слов является обыденным явлением, то калькирование конструкций из доминантного языка, конструирование слов при помощи двух грамматически и/или лексически значимых частей слова из разных языков – языковое нарушение, присущее естественным билингвам. А.С. Выренкова определяет такой вид языковой аномалии как *не-калька*: «характерная стратегия [билингвов] – «изобретение» конструкций, отсутствующих и в русском, и в английском языках» [Выренкова 2014, 7]. Например, дети-билингвы могут составлять такие слова как *догичка* – от англ. *dog* – собака, и русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-чка*. Также, например, дети могут склонять слова английского языка по правилам русского: *Мама, а бола нет* (= «Мама, а мяча нет»): «бола» образовано от англ. *ball* – мяч, и русского окончания родительного падежа *-а*. Так получаются абсолютные неологизмы, которые используются только одним конкретным носителем эритажного языка (как правило, ребенком).

«Не-кальки представляют большой интерес: они находятся вне языковой интерференции и свидетельствуют о том, что говорящий свободен от правил конкретной языковой системы <...> Поведение нестандартных носителей – через не-кальки – может обнаружить принципы «чистой», лишенной языковой конвенции, в некотором смысле надъязыковой, семантики» [там же]. Так, изучение языковых нарушений в рамках естественного билингвизма привносит неоценимый вклад в развитие семантики.

Процесс калькирования в целом распространен намного чаще среди искусственных билингвов, так как построение языковых структур при учебном билингвизме основывается на грамматической системе родного языка. Естественные билингвы применяют две языковые системы в непересекающихся коммуникативных ситуациях, что уменьшает вероятность возникновения калькирования.

Семантическая калька – это изменение семантики слова. Например, в русский язык было заимствовано слово *трогательный* в своем значении «способный разжалобить» от франц. *touchant* – трогательный, по образованию причастной формы от *toucher* – трогать, касаться. Мы можем найти большое количество таких примеров семантической кальки в современном русском языке. Однако, такой тип калькирования не является языковым нарушением. Калькированные таким образом слова прошли определенные стадии адаптации к языковой системе русского языка, и затем, от неологизмов, перешли к базовой лексике русского языка. По принципу семантического калькирования, только в своем неверном семантическом значении, билингвы создают некоторые слова в эритажном языке из доминантного.

1.3.2 Языковая интерференция

В рамках контрастивного анализа появилось одно из важнейших понятий, объясняющих калькирование – «языковой перенос или языковая интерференция (language transfer / language interference)» [Odlin 1989, 24]. Таким образом, контрастивный анализ дал основу для того, чтобы калькирование можно было приравнять к понятию языкового переноса.

В целом, языковой перенос определяется как результат влияния, возникающего на фоне сходств и различий между родным (или ранее усвоенным) и изучаемым языками. «Под интерференцией принято понимать неудачу при переключении с одного языкового кода на другой, при которой происходит перенесение правил одной языковой системы на правила другой, что влечет за собой нарушение нормы в языке-рецепторе и приводит к речевой ошибке» [Ребко 2018, 227]. Иными словами, «явление лингвистической интерференции понимается как смешение языковых единиц, возникающее при контакте языков» [там же]. Как видно из определения, понятия калькирования и интерференции (языкового переноса) очень похожи. Ж. Багана утверждает, что «калькирование является важнейшим видом интерференции, характерным для развитого двуязычия» [Багана 2007, 8].

Лингвистическая интерференция подразделяется на виды в соответствии с языковыми уровнями. Напомним, уровни языка выделяются на основе выделяемых разделов языка: фонетика (фонетический уровень), морфемика (морфемный уровень), лексика (лексический уровень), синтаксис (синтаксический уровень).

Фонетическая интерференция – искажение звуковой формы слова под влиянием другого языка. По словам Е.А. Будник, фонетическая интерференция – это «нарушение (искажение) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем» [Будник 171, 2012]. Не носителя языка, несмотря на хорошее владение грамматикой и лексикой, может выдать произношение и интонация.

Если грамматические структуры, слова и словосочетания можно выучить, то скорректировать произношение, убрать иностранный акцент намного сложнее, так как за это отвечает артикуляционный аппарат, то есть изменения должны происходить не только на ментальном уровне, но и на физическом. Как отмечала Т. А. Знаменская: «фонетическая интерференция – наиболее устойчивый недостаток, практически не поддающийся полному преодолению» [Знаменская 44, 2014]. Примерами фонетических трудностей могут послужить интердентальные звуки, которые существуют в английском, но отсутствуют в русском, а также буква *r*, которая и существует во многих языках, но разнится от одного языка к другому. От стабильности человеческого артикуляционного аппарата возникают проблемы в перестройке, переключении языкового кода, приспособлению к фонетической системе другого языка.

Лексическая интерференция выражается в переносе языковой сочетаемости с неродного языка на родной. Такой неблагоприятный перенос

может быть проиллюстрирован примерами русской речи англоговорящих: *ждать для, писать с рукой* и тому подобное.

Грамматическая (морфологическая) интерференция проявляется в переводе частей слова (морфем), подразумевает использование родных грамматических структур при общении на иностранном языке. Пример, *Пусть она это сделает сама – Let her do it herself* – интерферирование местоимений, *Никто никогда никому не расскажет* – перевод на английский должен осуществляться посредством одного отрицания, таким образом, если совершена ошибка, и отрицаний в предложении больше, чем одно – это называется интерферированием отрицаний.

Интерференция на уровне предложений (текстовая интерференция) – это дословный перевод целых конструкций с одного языка на другой. Такая интерференция «происходит и на уровне предложения – как при переводе с иностранного на родной, так и при построении высказывания на иностранном языке» [там же, 43]. Последний вид интерференции, как правило, не выделяется отдельно. Исходя из этого можно сделать вывод, он входит в лексическую интерференцию.

У. Вайнрайх выделяет два подхода к изучению вопроса интерференции: «во-первых, можно анализировать языковое поведение отдельного индивида, во-вторых, – целого коллектива, находящегося в ситуации языкового контакта» [Вайнрайх 1972, 25]. Так, индивидуальный билингвизм неразрывно связан с языковыми способностями одного конкретного носителя, а коллективный билингвизм актуален для полиязычных регионов.

При индивидуальном билингвизме наблюдается интерференция, возникающая из-за наложения в сознании говорящего индивида доминирующего языка на недоминирующий язык.

При коллективном билингвизме интерференция возникает в сознании нескольких языковых личностей при смешении языка-субстрата и языка, привнесённого извне на данную территорию.

Э. Хауген видит интерференцию частью поуровневого переключения между языковыми кодами. Он предлагает выделить следующие типы языкового контакта, взяв за основу стадии переключения кодов:

- «переключение кодов, переход с одного языка на другой, в явных случаях – полное, когда можно указать момент перехода;
- интерференция, когда грань перехода неясна, происходит отклонение от норм языка, которым пользуется говорящий;
- полная интеграция кодов, или смешение: при частом повторении интерференция сама может стать нормой» [Хауэн 1972, 64].

При естественном билингвизме логичным будет утверждать, что переключение языковых кодов происходит по модели третьего типа, когда происходит смешение языковых кодов, границы между языками стираются ввиду частого употребления нескольких языков на бытовом уровне.

Межъязыковую интерференцию можно поделить на два вида:

1) «экстраверсивная (то есть с родного языка на чужой) — корреляты обладают лишь формальным сходством, а содержательно не имеют сходных значений. Например, носитель русского языка может по аналогии с родным языком ошибочно употребить французское слово *déetective* не только в значении ‘детектив (сыщик)’, но и в значении детектив ‘роман’, которому в действительности соответствует французское *roman policier*.

2) интроверсивная (то есть с чужого языка на родной) — корреляты имеют не только формальное, но и содержательное сходство. Например, французское слово *acteur* имеет значение не только ‘актер’, но и ‘участник ситуации или события’, которое не свойственно русскому языку. Это различие семантических наполнений может спровоцировать интроверсивную ошибку у носителя русского языка, если словосочетание «*les acteurs de ces grand débats*» он переведет как «актеры этих больших дебатов» вместо правильного «участники этих больших дебатов» [Хауэн 1972, 74].

Билингвальный носитель может совершать ошибки как экстраверсивного, так и интроверсивного характера, с некоторым отличием в терминах. Так как в понимании естественного билингвизма, мы не можем разграничить язык на *родной* и *чужой*, так как оба языка усваиваются с детства. Поэтому нам целесообразнее заменить эти слова на *доминантный* и *недоминантный* язык.

Суммируя всё вышесказанное, необходимо отметить, что языковая интерференция – наиболее обширная и значимая сфера процессов, ввиду которых естественные билингвы совершают ошибки в речи. Лингвистическая интерференция делится на несколько видов, основываясь на уровнях языка. Анализ теоретической литературы по теме калькирования и языкового переноса показал, что калькирование является видом интерференции. Зачастую, носители эритажного языка создают конструкции, смешивая несколько языков. Такие новообразования называются не-кальками.

1.3.3 Иные причины морфологических нарушений в письменной речи

Усвоение системы языка происходит еще в детстве. Ребенок учит язык в его устной форме, выстраивая и упорядочивая правила в мозгу. Прямолинейное следование системе, что является значительной частью детских речевых ошибок, ведет за собой системные речевые ошибки. «Относительно языковой системы такие образования, как «карандашов», «радуются», «на метре» и т. п., могут быть оценены как вполне «правильные»» [Цейтлин 1982, 7]. По словам К.И. Чуковского: «детские слова... порою даже нормальнее наших», что детские речения «нередко вернее грамматики и поправляют её» [Чуковский 1970, 15]. Здесь мы видим, как на самом деле работает грамматическая система языка в целом. Несомненно, она проще существующей. Но в этом заключается ценность нейропсихологических исследований мозга при освоении языка.

«Сближение детского языка с нормативным заключается преимущественно в постепенном развитии и становлении в нём

нормы» [Цейтлин 1982, 7]. Речь взрослых помогает при формировании нормы, что происходит бессознательно.

Системные ошибки подразделяются на следующие типы, предложенные С. Н. Цейтлин:

1. Ошибки типа «заполнения пустых клеток» [Цейтлин 1982, 9]. Система предполагает определенное образование слов, однако часто норма не допускает те или иные изменения. Опираясь на только лишь системное познание языка, дети не осведомлены о каких-либо ограничениях, поэтому они стремятся заполнять «пустые клетки». «Известно, например, что у ряда существительных, прилагательных, глаголов по причинам разного рода, иногда не вполне ясным, не образуются те или иные формы. Так, существительное *мечта* не имеет формы родительного падежа множественного числа, прилагательное *синий* не употребляется в краткой форме, не образуются многие теоретически возможные причастия и деепричастия» [там же]. Всё это даёт основу для ненормативных детских грамматических образований: «Никогда не забуду этих своих мечт», «Пруд был синь, как небо над головой», «Река, теча, образует пороги» [там же]. Образование подобных словоформ дает лингвистам обширную базу для изучения системности языка.

Семантика считается наиболее богатой для варьирования нормы сферой. Отклонение от семантической (лексической) нормы – это, как правило, неверное контекстуальное употребление слова. Таким образом, грань между социодialeктами и единичным случаем неверно сформированного слова достаточно тонкая. Словообразование – самая потенциально изменяемая сфера. Языковая норма насчитывает намного меньше существующих дериваций, чем потенциальных, которые образуют дети, наивно следуя усвоенным систематическим правилам. Под влиянием доминантного языка, носители эритажного языка могут использовать ошибочное словообразование путем прибавления основ слов из доминантного и эритажного языков.

2. Ошибки типа «выбор ненормативного варианта из числа предлагаемых языковой системой» [Цейтлин 1982, 11]. В данном типе речевой ошибки мы говорим о различных грамматических способах семантического выражения. «Примером может служить механизм образования видовых пар: выбор одного из суффиксов, передающих значение несовершенного вида, не может быть логически предсказан. Ср.: украсить — украшать, но раскрасить — раскрашивать. В речи детей возможны ошибки типа «раскрашать» и «украшивать» [Цейтлин 1982, 12]. В целом, проблемы при выборе видовременного аспекта распространены среди носителей унаследованного русского языка.

Что касается употребления предлогов, существуют определенные правила. Например, предлоги места «в» и «на» целиком полагаются на традиционный выбор. Лексическая сочетаемость или традиционный выбор представляют сложности для билингвов. Для правильного выбора определенных частей речи иногда нужно знать не только правила русского языка, но и иметь аудио или визуальный языковой опыт, где мы многократно встречаем сочетаемость слов.

Необходимо понимать, что эритажные носители – люди, освоившие язык родителей в детстве, в устной форме. Ввиду малой речевой практики (по сравнению с доминантным языком – языком окружающего общества), а также отсутствия учебной, письменной практики, детские ошибки (основанные на системности языка) могут проявляться в речи взрослых носителей эритажного языка.

Выводы по главе 1

В первой главе были рассмотрены важные аспекты билингвизма. В первую очередь – функционирование билингвизма и его место в эпоху глобализации. Мы обратились к отечественным и зарубежным ученым, опираясь на их труды проанализировали понятие билингвизма, провели сравнительный анализ классификаций двуязычия.

Мы изучили нейро- и психолингвистическую сторону билингвизма: на основе анализа научной литературы охарактеризовали языковую личность билингва, констатировали наличие нескольких (в зависимости от количества языков, на которых происходит общение) языковых картин мира у билингвальной личности и их взаимодействие.

Владение двумя языками предполагает знание менталитета народа-носителя языка, а также осознание картины мира носителей доминантного языка. Очевидно, что эти два аспекта имеют место в сознании билингва, так как эритажный носитель взаимодействует с окружающей его действительностью, людьми, но при этом сохраняет культурную идентичность, менталитет предков (в случае, если родители билингва – иммигранты).

Было выявлено, что владение несколькими грамматическими системами не имеет негативного влияния на мозг и не разрушает психику билингва. Большой объем усваиваемой информации, наоборот, позволяет улучшить память, развить воображение.

Однако, ввиду того, что в реалиях жизни невозможно говорить на нескольких языках в равной степени частотности, возникают такие определяющие понятия, как доминантный и недоминантный языки. Повседневное и наиболее частотное употребление языка позволяет назвать его доминантным. Эритажный язык – это язык, унаследованный от родителей. Значит, билингвальная личность живет в обществе, где используется один языковой код, а в кругу семьи, дома – другой.

Попеременное использование двух языков влечет за собой языковые трудности, которые менее заметны в условиях устного общения. В связи с этим, в рамках данной диссертации, мы исследуем письменную речь носителей эритажного русского языка для более глубокого и доказательного осмысления языковых аномалий.

Мы первой главе рассмотрели основные виды речевых ошибок, составили их классификацию на основе теоретической базы исследования. Выявили место морфологических нарушений среди речевых ошибок в целом.

Письменный язык эритажных носителей подвержен языковым нарушениям по причине интерференции, калькирования, ошибочного словообразования, малограмотности и отсутствия практики письма на эритажном языке – что является основной проблемой при составлении речевого высказывания. Интерференция происходит под влиянием доминантного языка – то есть некоторые типичные языковые структуры (порядок слов, особенности словообразования, внутренние грамматические изменения слова) переносятся на эритажный язык. Прослеживается неверное употребление частей речи (или их флексий), замены, отсутствие верного согласования слов в предложении, ошибочное словообразование и другие речевые аномалии.

Глава 2. Использование корпусного подхода в анализе морфологических ошибок при естественном билингвизме

Данная глава посвящена лингвистическому анализу ошибок в письменной речи естественных билингвов на основе корпусного подхода.

Преследуя определенные интересы, «исследования естественного билингвизма и двуязычия в прикладном аспекте зачастую опираются на анализ ошибок, которые допускают дети и взрослые билингвы в различных коммуникативных ситуациях» [Cantone 2007, 7]. В корпусах русского языка находятся примеры неверного употребления грамматических форм билингвами, которые дают основу для анализа природы той или иной ошибки.

2.1. Потенциал корпусного подхода при анализе грамматической стороны письменной речи

С конца XX века исследование морфологических ошибок производится посредством либо анализа отдельных документов, либо текстовых корпусов. Большое количество научных работ полагается на анализ отдельных ошибок. «Ошибка – это одно из важнейших вспомогательных средств овладения языком. Ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, поскольку позволяют определить, на каком этапе порождения высказывания происходит сбой, вызван ли сбой интерференцией языков, возможны ли подобные ошибки в речи носителей языка» [Ермакова 2012, 34]. Под носителями языка Л. М. Ермакова понимает стандартных носителей. Выявление разницы между ошибками стандартных и нестандартных говорящих определяет особую научную ценность нашей работы.

По нашему мнению, единичные речевые сбои не всегда дают возможность определить истинную природу ошибки. Это может быть как случайность, так и закономерность. «Перед современной лингвистикой стоит задача выявить скрытые механизмы реализации речи, что возможно лишь при наличии репрезентативного корпуса речевых отклонений» [Русакова 2007, 59]. Так описывается неотъемлемость

корпусного метода при лингвистическом анализе частотности речевых нарушений. Действительно, для доказательства определенной закономерности необходимо наличие большого количества материала по теме, взятого из репрезентативных источников. Таковыми являются лингвистические корпуса, создаваемые в целях научного анализа реальных лингвистических примеров и применения этого анализа в практическом аспекте.

В лингвистических корпусах «язык изучается со стороны письменной речи по признакам, которые могут быть названы объективными, то есть те, которые можно измерить и операционализировать. Для обработки применяются вероятностные методы и математическая статистика. Работа осуществляется с лингвистическими данными в том виде, в котором они употребляются в контексте» [Амиева 2016, 251]. Особый интерес лингвистов заключается в том, что корпуса сохраняют первоначальную орфографию, пунктуацию и синтаксис без изменений, а также предоставляют более широкий контекст, при использовании специальных параметров поиска. Именно контекстуальное окружение выявляет истинную природу ошибки. Структура предложения, смысл, подтекст – все это имеет решающее значение при анализе речевых аномалий.

Практическую значимость лингвистических корпусов для развития науки сложно переоценить. Онтолингвистика, афазиология и другие направления психолингвистики применяют корпусный метод для анализа ошибок. Такой метод помогает развитию прикладной науки, опирающейся на систематические данные для устранения того или иного отклонения в психике, которое отображается в речевом аспекте.

В методических целях при преподавании иностранного языка, выявление закономерностей между причинами возникновения ошибок, их частотность, а также влияние доминантного языка, имеют особое значение. «Опыт интерпретации ошибок и механизмов их возникновения позволяет конкретизировать модель порождения и восприятия речи в теоретическом

плане и отрабатывать адекватные различным задачам методики диагностики и коррекции речевого и когнитивного развития, формирования коммуникативной компетенции в прикладном аспекте» [Ермакова 2012, 35].

В качестве источника при поиске морфологических ошибок в письменной речи носителей эритажного русского языка, мы обратились к Русскому учебному корпусу (здесь и далее – РУК). Данный сайт имеет современный интерфейс, удобную поисковую форму с параметрами выбора подкорпуса, настроек точного поиска и корпусной разметки примеров, как готовый поисковой результат. Корпусный лингвистический анализ и разметка осуществляются членами Лаборатории по корпусным исследованиям НИУ ВШЭ под руководством Екатерины Рахилиной.

РУК – это электронный ресурс, в котором находятся подтвержденные примеры языковых нарушений двух категорий нестандартных говорящих на русском языке: изучающих русский язык как иностранный и эритажных говорящих.

Более того, каждый текст в корпусе снабжен метаданными об авторе письменного высказывания. Есть обязательные и необязательные параметры. Обязательные: устный/письменный текст, русский язык как иностранный / эритажный, доминантный язык автора, уровень владения русским языком. И необязательные данные: пол автора, год создания текста жанр. Под специфику нашей работы подходит изучение письменных высказываний носителей эритажного языка, поэтому, при отборе материала, мы пользовались функцией отбора примеров под названием «эритажный русский язык», а также «письменный», так как мы имеем дело только с ошибками в письменной речи билингов. Побочные параметры, такие как: пол автора, тоже учитывались в общей статистике.

Возможности Русского учебного корпуса в том, что он позволяет «производить поиск по лексико-грамматическим свойствам, а также по самым

разным типам отклонений от стандартной русской речи – от орфографических ошибок до выбора лексических единиц и конструкций» [Русский учебный корпус]. Выборка и обработка найденной информации становится в разы быстрее, ввиду наличия метаразметки по типам ошибок и другим параметрам.

Основной задачей корпуса является предоставление возможности для различного рода лингвистических исследований, для выделения и сравнения типичных ошибок стандартных и нестандартных говорящих. «С одной стороны, Русский учебный корпус – это источник данных о нестандартном русском языке, а с другой стороны, это мощный инструмент для открытия новых граней стандартной русской грамматики: языковые отклонения в текстах помогают обнаруживать тонкие грамматические правила, которые раньше не принимались во внимание» [Русский учебный корпус]. Такую большую миссию корпуса видят в нем сами создатели.

Основное количество текстов предоставлено преподавателями русского как иностранного за рубежом, работающих с эритажными говорящими. Данный корпус берет за основу академические и неакадемические тексты. Важный фактор при выборе корпуса отводился также разделению речи на подвиды: устную и письменную.

Что касается доминантных языков, на которых говорят эритажные носители параллельно с русским языком, их в корпусе большое количество. Как пишут создатели корпуса: «частью Корпуса является лонгитюдный подкорпус письменной академической речи РУЛЕК, созданный Олесей Киселевой и Анной Алсуфьевой. РУЛЕК представлен текстами англоговорящих американских студентов, которые собирались в процессе освоения ими четырехлетней образовательной программы. В связи с этим, в корпусе мы найдем огромное количество примеров именно носителей эритажного языка с доминантным американским английским языком» [Русский учебный корпус]. Письменные речевые контексты носителей

эритажного русского языка дают возможность проследить характер совершаемых ошибок.

На данный момент в РУК представлены тексты, созданные нестандартными говорящими, для которых доминантными являются 25 языков. Наибольшее количество найденных контекстуальных примеров, были созданы билингвами с доминантным американским английским языком. Чтобы проанализировать примеры с другими доминантными языками, нам необходимо воспользоваться параметром выбора языка. При таком отсеивании, остается лишь небольшое количество примеров.

РУК позволяет производить как точный поиск, так и поиск по лексико-грамматическим категориям. Кроме того, возможен поиск по типам ошибок (отклонений от стандартных употреблений). Корпусная разметка по типам ошибок открывает возможности быстрого и удобного поиска контекстуальных примеров.

Вклад корпусного подхода в изучении письменной речи сложно переоценить. Сравнительно-типологические исследования, языковой анализ требует доказательности, которую предоставляют лингвистические корпуса. Изменение языка, его современное состояние можно отследить только по речевым высказываниям реальных носителей языка.

2.2 Возможности системы экспертного анализа «Лингвистика» при систематизации и обработке данных

Отобранные в корпусе РУК контекстуальные примеры должны быть классифицированы для проведения анализа. В связи с этим, мы воспользовались информационной системой экспертного анализа «Лингвистика», представляющей собой электронную среду, в которой можно создавать научно-исследовательские проекты: одно- и полиязыковые, индивидуальные и коллективные, включающие вербальные и креолизованные тексты. Система «Лингвистика» полезна как исследователям, работающим над небольшими проектами (статья, курсовая, ВКР), так и тем, кто трудится над

объемными изысканиями (диссертация, монография и другое). На данный момент система находится в стадии доработки.

При помощи данного приложения пользователь может выстраивать классификационные деревья и проводить анализ по их параметрам, генерировать статистические отчеты, сопоставлять их в полиязыковых проектах и получать выборки по интересующим параметрам.

В данную систему мы ввели параметры классификации морфологических ошибок в письменной речи билингвов (снимки экрана находятся в приложении Б). Затем, выделили речевые аномалии и заносили их под каждый параметр классификации. В результате нам представилась возможность получения репрезентативной статистики результатов (процентного соотношения параметров) при сравнительно-типологическом методе исследования.

2.3 Классификация морфологических ошибок в письменной речи носителей эритажного русского языка

Типология ошибок в современной лингвистике представлена множеством вариантов. Традиционно разграничиваются оговорки (или в письменной речи – опiski), возникающие из-за усталости или невнимательности, и собственно ошибки.

Для исследовательской части работы были проанализированы различные классификации, однако ни одна из них не подходила под наш материал, поэтому мы разработали собственную классификацию, опираясь на анализ собранного материала.

Для анализа морфологических ошибок носителей эритажного русского языка, мы внесли в классификатор системы экспертного анализа «Лингвистика» 3 классификации: 1) классификацию по профилю «эритажника» (пол, доминантный язык), 2) классификация ошибок по

частеречной принадлежности, 3) классификация по оценке коммуникативной значимости ошибки.

Профиль состоит из таких параметров, как пол говорящего, его доминантный язык и, непосредственно, типы морфологических ошибок в письменной речи. Полная форма корневых параметров представлена в приложении А. По приведенной форме мы отобрали и проанализировали 297 примеров языковых нарушений из Русского учебного корпуса.

Гендерная принадлежность носителя эритажного языка определяет признак фемининности и маскулинности, а таким образом потенциальную закономерность в совершении тех или иных ошибок. Авторы большинства контекстов, извлеченных из Русского учебного корпуса – женщины, хотя отбор по полу участника целенаправленно не проводился. Как видно из таблицы отчета по проанализированным примерам, 80 % языковых нарушений было совершено именно эритажными носителями женского пола.

К вопросу о том, отбора контекста для материала корпуса. Основным источником примеров языковых нарушений являются учебные тексты, написанные студентами-«эритажниками». Тексты – части сочинений эритажных носителей языка по различным вузовским направлениям, таким как: театр, экология, политика и другие. (выше к характеристикам корпуса).

При проведении исследования, нами учитывались доминантные языки авторов текстов, представленных в РУК. Для осуществления детального лингвистического анализа были отобраны только примеры тех носителей эритажного русского языка, доминантными языками которых являются языки двух групп: германской и романской. Выбор этих языков объясняется тем, что эти две языковые группы включают в себя наиболее распространенные языки европейской части населения, а также мы, как исследователи, наиболее знакомы с ними. Более того, при выборе параметров языка в РУК, большая часть отводится именно языкам этих двух групп, указанных выше.

Доминантные языки (только германская и романская группа) эритажных носителей в РУК представлены в следующем составе: американский английский, немецкий, французский, норвежский, шведский.

Американский английский язык был в преобладающем числе примеров по всем параметрам классификации речевых ошибок. Это связано с тем, что большое количество студентов-билингвов, которые предоставили свои академические тексты, были из США.

Французский, немецкий, норвежский и шведский – достаточно распространенные языки среди германской и романской группы. Однако примеров с этими доминантными языками значительно меньше, чем с американским английским.

Рис.2 Классификация по профилю «эритажника» в ИСЭА «Лингвистика»

Дерево параметров	Количество фрагментов	% по отношению к корневому параметру	% от всего количества фрагментов
▼ Профиль "эритажника"	297	100	100
▼ пол	297	100	100
женский	237	79.8	79.8
мужской	60	20.2	20.2
▼ доминантный язык автора	297	100	100
американский английский	207	69.7	69.7
немецкий	19	6.4	6.4
французский	52	17.51	17.51
норвежский	12	4.04	4.04
шведский	7	2.36	2.36
▼ Типы морфологических ошибок	297	100	100
▼ РО в употреблении существительных	139	100	46.8
число: отсутствие согласования	54	38.85	18.18
число: Singularia / Pluralia tantum	8	5.76	2.69

Отобрав контекстуальные примеры носителей указанных доминантных языков, мы создали классификацию морфологических ошибок и распределяли примеры в соответствии с параметрами этой классификации. Сама классификация в полном виде в приложении А. Принцип классификации – выделение морфологических ошибок по частям речи.

Наибольшее количество найденных в корпусе ошибок было совершено при использовании существительных – 47 %, затем глаголов – 23 %, прилагательных – 17 %, предлогов – 4 %, местоимений – 4 %, наречий – 2 %, союзов – 2 %. Такое процентное соотношение выявляет наиболее проблемные стороны языка в письменной речи носителей унаследованного русского языка.

Основные типы ошибок: ошибочное словообразование, ошибки при склонении по роду, числу, падежу, неверное спряжение, образование видовременных форм, а также краткой и полной формы прилагательного, степени сравнения, пропуск слова или написание лишнего слова и другие ошибки.

2.4 Установление причин и обоснование совершения ошибок (на примере контекстов из РУК)

Многие отечественные и зарубежные ученые занимаются разработкой классификаций регулярных показателей системы языка. Однако система языка не является общим сводом правил. Система – это определяющие целостность языка связанные между собой теми или иными отношениями элементы языка; это более обширное понятие. Когда речь идет о правилах языка, грамотности речи – это называется нормой. Б. Н. Головин утверждает, что «норма – это исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных вариантов языкового знака» [Головин 1988, 31]. Таким образом, норма – выбор особых системных средств языка при той или иной ситуации.

Основные нарушения нормы происходят при контакте нескольких языков и их взаимовлиянии (интерференции). Проанализировав контекстуальные примеры из РУК, мы выяснили, что наибольшее количество ошибок, совершаемых носителями эритажного русского языка, сводится к нарушениям в имени существительном. Этот факт можно обосновать распространенностью данной части речи: человек чаще всего оперирует словами, объясняющими объективную реальность. Наименования предметов

и явлений занимают большую нишу в языковом пространстве еще с древнейших времен, когда языки выражались лишь в номинативной функции при описании предметов. Затем по численности языковых нарушений идет глагол, как часть речи, обличающая действие. И далее – все остальные значимые части речи.

Ниже мы приводим лингвистический анализ контекстуальных примеров по числовому соотношению, влиянию доминантного языка на эритажный (интерференция, калькирование, ошибочное словообразование и другое). Основными методами проводимого исследования выступают: корпусный метод при сборе данных; систематизация и классификация при обработке полученных данных; метод интерпретации и метод морфологического анализа, а также приемы семантического, контекстуального и трансформационного при определении причин языкового нарушения. Общая картина результатов проведенного анализа отражена на следующих скриншотах.

2.4.1 Нарушения в склонении числительных и существительных

Одно из самых распространенных морфологических нарушений в письменной речи на эритажном русском языке – неверное склонение числительных.

Анализируя выборку отобранных нами контекстов в системе экспертного лингвистического анализа, мы приходим к выводу, что отсутствие согласования числительного является распространенным нарушением. «Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа и рода» [Русская грамматика 1980, 571]. В русском языке «к несклоняемым относятся слова мало и немало, к склоняемым — все остальные числительные» [там же, 573]. В связи с этим числительные должны склоняться по падежам.

Наиболее ярким примером отсутствия падежного склонения в числительном может стать следующее предложение: *Стоимость продажи*

всего лишь триста миллион рублей. Это предложение было создано билингвом с доминантным английским языком. Мы можем предположить, что языковой перенос с морфологической системы английского языка, а именно: невозможность постановки слова в форму множественного числа (*three hundred million* – без окончания *-s* – окончание множественного числа), привел к языковой аномалии в эритажном языке. Однако, по правилам русского языка, «числительные не имеют морфологической категории числа» [там же 574], как в английском языке. Числительное в русском языке склоняется по таким же правилам, как и имя существительное.

Склонение числительного по роду также претерпевает определенные аномалии в речи носителей эритажного языка. Например, предложение, созданное девушкой с доминантным английским языком: Оба статьи были понятны, но, по моему, «Этос науки» немного легче читать чем Анекдот, по тем причинам, которые изложены выше. Слово статья – женского рода, при склонении рядом идущего собирательного числительного *оба*, последнее приобретает окончание *-e*, вместо *-a*, таким словом согласуясь в роде с существительным.

В предложении студента с доминантным французским языком, была также найдена ошибка идентичного характера: *Мне кажется, что в тексте три персонажи*. Примеры с иными доминантными языками (германской и романской группы) в РУК отсутствуют, что дает нам право полагать либо о недостаточной базе найденных примеров именно с этим типом ошибки, либо большей грамотностью при составлении предложений, используя числительные, среди остальных студентов-билингвов.

Поиск нарушений в склонении числительных в РУК не дал обширных результатов. Практически все, кроме описанных выше, контекстуальные примеры содержат в себе ошибки при согласовании числительного и существительного по роду и другим параметрам.

Переходя от имени числительного к имени существительному, обратим внимание на ошибки при образовании числа существительных. Грамматическая форма слова во многом зависит от окружающего контекста. Например, одно и то же существительное может использоваться только в единственном или только во множественном числе, в соответствии с контекстуальным значением.

Обращаясь к статистике, ошибку в числовом склонении существительных совершают билингвы с доминантным американским английским языком – 89 %, французским – 6 %, и немецким, норвежским, шведским – по 2 %. Как мы видим, наибольшее количество ошибок в склонении существительных по числу были допущены носителями английского языка, как доминантного. Остальные представители доминантных языков совершают такие ошибки гораздо реже.

Здание обладает хорошей звукоизоляцией и шумы с улицы совсем не слышно (доминантный язык автора – английский). Слово *шум* в данном контекстуальном окружении не может приобретать форму множественного числа. В английском языке существительные, обозначающие абстрактные, собирательные понятия, нередко могут приобретать форму множественного числа: *noises, arms* и другие. Однако в русском языке они имеют форму единственного числа: *шум, оружие*. «Для форм единственного числа существительных с выраженной противопоставленностью по числу характерно <...> употребление в обобщенно-собирательном значении» [Русская грамматика 1980, 470]. Несмотря на то, что русское слово *шум* может стоять во множественном числе – *шумы*, такое изменение числа происходит, как правило, в научной среде. Например, в музыке: «*Эти шумы, чуждые нормальному человеческому слуху, дезорганизуют слушателя*» [Сиднева 2012, 28]. Таким образом, форма множественного числа возникает тогда, когда существует необходимость терминологически показать отличие видов шума между собой. Более того, в примере билингва мы наблюдаем неверный выбор

падежа. Вместо использования родительного падежа (*шума*, или для множественного числа – *шумов*) был использован именительный (*шумы*).

В свою очередь, слово *оружие* также подчиняется правилам построения обобщенно-собирательных существительных. Для примера возьмем иллюстративный пример из РУК с переносом-калькой слова *arms* из английского языка: *Профессор считает, что в настоящем времени, что оружия не нужны*. Вероятно, эритажный носитель провел аналогию с английским словом “arms”. Данное слово в английском языке используется во множественном числе, а в русском языке, в собирательном значении – в единственном числе (*оружие*).

Примером неверного подбора числа существительного в письменной речи эритажного носителя с доминантным французским языком может стать следующее предложение: *Магазины, больница, школа, разные развлечения, могут находиться далеко от дома*. Смешение числовых форм существительных в одном предложении при перечислении препятствует правильному интерпретированию предложения в целом. Существительные, которые могут иметь форму множественного числа обычно осуществляют этот потенциал при перечислении однородных членов.

Рассмотрим пример носителя с доминантным немецким языком: *Действа, которые в повести были только с легка упомины, показаны в фильми очень долого и подробно, например, сцена, когда Вера Николаевна забыла свой перчатка*. Интерпретировать смысл этого предложения можно двумя способами. Во-первых, разметка в РУК относит эту ошибку к нарушению склонения слова в числовой форме. *Перчатки* – это существительное, которое часто употребляется во множественном числе, ввиду того, что данный предмет одежды имеет две части. Однако, второе объяснение раскрывает языковое нарушение в другом аспекте. Немецкое *der Handschuh* (перчатка) мужского рода. Притяжательное местоимение *свой* было изменено по правилам склонения мужского рода. Таким образом, данный контекстуальный пример

может быть отнесен не только к разделу ошибок, связанных с неверным использованием числа, но также и по вине интерференции рода существительного.

Что касается примеров из норвежского языка (1) *Мне кажется, что в тексте три персонажи*. и шведского (2) *В 1991 Агутин начел ехать на турнир в бывший советский республики и выполнять на разогреве для других музыкантов.*, здесь мы видим правильное понимание функционирования множественного числа существительных в предложении. Несмотря на это, эритажные носители испытывают сложности при постановке верных окончаний множественного числа либо в существительных (*три персонажа* – окончание-исключение при порядковых числительных, таких как *два, три, четыре*), либо в прилагательных (*бывший, советский* – окончания именительного падежа, единственного числа, мужского рода). Хотя слово *республика* в русском языке – женского рода. Разбор последнего контекстуального примера снова относит нас к категории рода, помимо категории числа.

2.4.2 Нарушения в образовании падежных форм

Сложнее всего носителям эритажного русского языка дается категория падежа. В связи с выявленными результатами, именно носителям английского языка наиболее сложно дается падежное склонение. По процентному соотношению ошибки при склонении совершают: 76 % – носители с доминантным английским языком, 11 % – норвежским 8 % – шведским, и по 3 % – немецким и французским. Всего при образовании падежной формы было найдено 40 контекстуальных примеров: именительный – 1, родительный – 9, дательный – 5, винительный – 6, творительный – 4, предложный – 15. Из этой статистики видно, что наиболее сложным для понимания эритажных носителей оказывается предложный падеж.

Именительный падеж – это категория существительного и числительного, так называемая «начальная форма», которая функционирует в предложении в качестве подлежащего, поэтому имеет первое склонение

(неизменное окончание). Пример ошибочного склонения в именительном падеже: *Человека, или ребенка, которого женщина ударила, начинает орать и обзывать*. Тот факт, что «русский язык принадлежит к числу флективных языков, в которых синтаксические отношения между словами в предложении выражаются не строго закрепленной последовательностью в расположении слов, а окончаниями» [Кахужева 2018, 103], указывает на то, что порядок слов в русском предложении относительно свободный. В связи с этим, ошибочный выбор падежа имеет отношение к неправильному пониманию структуры предложения. Именно придаточная часть *которого женщина ударила* могла спровоцировать неверное употребление падежа. Глагол *ударить* – переходный, что означает необходимость использования дополнения (объекта) после него. Поэтому слова *ребенок* и *человек* приобрели форму винительного падежа, функционируя как дополнение, а не подлежащее, раскрывая объектное значение падежа.

Мы находим большое количество примеров с неверным образованием родительного падежа. Например, *Я считаю что слова которые я выбрал важны для понятие текста, так же эти слова помогут найти эту или подобные статьи в интернете*. Для русского языка характерна следующая предложная конструкция: для + родительный падеж. Однако, в данном примере слово *понятие* стоит в именительном падеже, поэтому правило предложной конструкции не было соблюдено. Как известно, в английском языке слова не приобретают падежные флексии в грамматических конструкциях. Эту роль на себя берут другие части речи, как правило, служебные.

В целом, родительный падеж показывает принадлежность. Некоторые ученые выделяют в английском языке *genitive case*, генитив. «В современном английском языке традиционно признается наличие двух форм падежа имени существительного: общего (Common Case) и родительного (Genitive/Possessive Case). <...> существительные в родительном падеже употребляются в качестве

определения в препозиции и также предикатива, представляют собой маркированную форму, т. е. имеют специфическое окончание ('s)» [Грибанова 2017, 104-105]. Но средства формального выражения генитива несколько отличаются от тех, которые мы имеем в русском языке. Итак, родительный падеж определенным образом выражен и в английском языке. Однако, средства его выражения в русском языке отличаются. *Молодой Петербург был бы романтиком и, явно, очаровательным в глазах каждой девушки*. Из примера видно, что носитель эритажного русского языка склонил слово *девушка*, однако не по правилам родительного падежа, а дательного. В целом, проблема верного подбора падежа наиболее ярко выражена у носителей английского языка, как мы указали выше.

Мы приезжаем поздно, только около однацети ночь. Такой пример был создан носителем с доминантным немецким языком. Слово *ночь*, как существительное 3-го склонения, по правилам русского языка, в родительном падеже должно приобрести окончание *-и*. Автор данного высказывания осознает необходимость изменения падежного окончания слова. Однако, ввиду незнания грамматического правила, прибегает к ошибочному словообразованию.

Есть такие примеры, где носитель эритажного русского языка, очевидно, знает грамматические правила стандартного русского языка, но допускает ошибку, ввиду системности языка, то есть полагается на знание общих правил, не принимая во внимание исключения. *Приносят солдат, они все побиты и очень грязные*. Слово *солдат* является существительным, в мужском роде, второго склонения. Как правило, в такой группе существительных, родительный падеж получает выражение через окончание *-ов*. Однако, существуют исключения с нулевым окончанием, такие как: *яблоко, чулок, погон, солдат* и другие.

Пример предложения, где ожидается использование дательного падежа: *Высшее образование, степень бакалавра, можно получить в любом*

университете, где есть обучение глобальных процессов, экономики, межрегиональных процессов, глобалистике и т (автор примера – носитель доминантного английского языка). Вместо дательного (обучение глобальным процессам) был использован винительный падеж (обучение глобальных процессов).

Ошибки в употреблении винительного падежа также достаточно распространены: (1) *Им нужно много место*. (англоговорящий носитель) (2) *В итоге она приехала на работу, где она сначала звонит мужу, чтобы он не забыл погасить и выключить что-нибудь, явно печку какую-то, и чтобы он причесал, застегнул и надевал обувь на ребенка*. (носитель норвежского, как доминантного языка) Данные примеры иллюстрируют грамматически неверный подбор падежных окончаний: именительный (*место*), вместо винительного (*места*), а также дательный (*ребенку*), вместо (*ребенка*). К предлогам винительного падежа относят: *на, в, за, через, про*. Поэтому после предлога *на* ожидается использование винительного падежа.

Рассмотрим два примера англофонов, иллюстрирующие ошибку в творительном падеже: (1) *С тех пор они остались за рубежом, даже после того, как Советский Союз одержал победу над Германи*. (2) *Этот человек был бы и философом, и писателем, и человек традиции, и человек инновации*. (над Германи – над Германией) Окончание *и* в слове *Германи* означает, что носитель выбрал один из следующих падежей: дательный, предложный. Интересно отметить, что человек знаком с правилами образования творительного падежа: слова философ и писатель имеют верные падежные флексии. Однако, слово *человек* (именительный падеж) не было изменено дважды (на *человеком* – творительный падеж), что свидетельствует о недостаточной изученности функционирования творительного падежа.

Похожая ситуация встречается нам на примере носителя норвежского языка: *Главная – это женщина, которая является и женой, матерей и сотрудницей*. Слово *жена* приобрело падежное окончание, однако, слово

матери (кстати, во множественном числе, что является ошибкой при образовании числа существительного именно в данном контексте), приобрело форму родительного падежа, вместо дательного.

Вышеприведенные нарушения при образовании падежных форм носят особенный характер. Падежное окончание в каждом примере образовано верно, тем не менее, правильный выбор падежа оказался проблемой для носителя эритажного русского языка. На выбор падежа может повлиять несовпадение правил в эритажном русском и языках романо-германской группы. Здесь мы говорим об управлении, как виде подчинительной связи в словосочетании. При организации словосочетания с предлогом или без, требуется правильный подбор падежной формы. На наш взгляд, именно неосведомленность эритажного носителя о грамматических различиях языков в словосочетаниях (особенно с предлогом, так как во многих языках именно предлог определяет выбор падежа), ведет к трудностям при составлении письменного высказывания.

Предложный падеж оказался наиболее сложным для образования падежом в письменной речи носителей эритажного русского языка. По количественному соотношению – это 28 % из всех найденных контекстуальных примеров на нарушение падежной формы в РУК. Такая ситуация обуславливается отсутствием предложного падежа в германских и романских языках, что можно отнести к грамматической лакуне. В целом, понятие *лакуна* имеет неоднозначное толкование. Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина понимают феномен лакуны как: «все, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст. Такие элементы мы называем лакунами» [Сорокин 1983, 37]. Влияние грамматической системы доминантного языка на эритажный достаточно велико. Поэтому, отсутствие какой-либо грамматической категории в доминантном языке

может привести к грамматической лакуне, недопониманию при использовании эритажного языка.

Толкование понятия грамматической лакуны на примере испанского языка дает И. В. Томашева: «грамматической лакуной в испанском языке можно считать отсутствие категории вида глагола, что компенсируется различными лексическими (добиваться – *luchar*, добиться – *lograr*) и грамматическими (я шел – *yo iba*, я пошел – *me fui*) формами» [Томашева 1995, 55]. То есть отсутствие грамматической категории в одном языке может называться лакуной. При ситуации, когда носитель эритажного языка не знает правил образования определенных падежных форм, он может прибегнуть к замещению одного падежа другим. Так, с большой долей вероятности, обуславливается тот факт, что носители эритажного языка составляют предложения с грамматически верными падежными флексиями, но при этом, путая ситуацию употребления конкретного падежа.

Разберем некоторые примеры из РУК: (1) *В первом сценарий главная героиня на корабле сидит за писательным столом и пишет письмо.* (2) *Может ли человек окончивший вуз быть уверенным в обретение своей желаемой профессии?* (3) *Многие находят свое счастье в деньгах и другие материальные вещи в то время как другие находят счастье в своих партнеров и других эмоциональных вещей.* В первых двух примерах англофонов слова *сценарий* и *обретение* не подверглись падежному склонению и остались в именительном падеже, что может свидетельствовать о том, что, такие примеры могут считаться калькированием с доминантных языков. В германских языках предлог берет на себя все функции выражения падежных отношений, а сам объект после него остается в неизменном виде. Это мы наиболее ярко видим в примерах целых конструкций в примере 3 у носителя доминантного шведского языка.

Неверное склонение имен собственных занимает особенное место в ряду склонения существительных. Примером ошибочного склонения может

послужить следующее предложение: *Наконец усердная работа Гайдай был вознаграждена.* Другим ярким примером может стать: *Белые тигры в Сибири 300-400 существуют на данный момент.* Разберем этот пример. Сибирь – неодушевлённое существительное, женский род, 3-е склонение. В формах трех падежей единственного числа, родительном, дательном и предложном, существительные третьего склонения имеют одинаковое окончание *-и*. Слово *Сибирь* в примере выше, должно быть изменено по этому правилу, так как данное существительное стоит в предложном падеже.

2.4.3 Нарушения в употреблении глаголов

Корпусный анализ показывает, что наиболее распространенное языковое нарушение при написании глаголов – это ошибка в спряжении.

Рассмотрим пример, созданный англофоном: *В первом сценарий главная героиня на карале сидит за писательным сталом и пишит письмо.* Глагол *писать* является глаголом в несовершенном виде, переходным, в 1-ом спряжении, что означает, при спряжении данного глагола в третьем лице, единственном числе, прибавляется окончание *-ет*. В данном контекстуальном примере автор испытывает трудности при определении спряжения глаголов.

Иногда спряжение вызывает некоторые сложности даже у монолингвов. Зачастую, носители языка оставляют инфинитивное окончание *-ть* там, где оно должно исчезать при спряжении глагола. Разберем предложение, созданное билингвом: *начало и конец фильма отличаются от повести.* По правилам русского языка, в третьем лице, множественном числе, при спряжении глагола мягкий знак в инфинитивном окончании исчезает, что идентифицирует лицо. Однако в слове *отличаются* изменения инфинитивного окончания не произошло, что является языковым нарушением.

Ошибки в формировании начальной формы глагола, такие как ошибочное словообразование, тоже присутствуют в письменной речи билингвов. Примеры (1) *Его галереи продолжают существовать по сей день* и

(2) А когда все говорят только допустимое слово, то лингвисты меняют оригинальное слово на устаревшее и допустимое слово стаёт нормой отражают ошибки при формировании начальной формы глагола.

Глагол *существовать* – глагол несовершенного вида. Согласно правилам русского языка, определенная группа глаголов несовершенного вида имеет в морфемном составе суффикс *-ова-* / *-ева-*, в котором гласная *о* или *е* является безударной. Ошибки в написании безударных гласных очень распространены. Однако в ошибочно сформированном слове *существовать* выше, мы видим, что наличие безударной гласной привело говорящего к образованию такой формы. Еще одной причиной такого словообразования может быть существительное *существо*. Говорящий мог ошибочным образом предположить, что словообразование в глаголе происходит следующим образом: основа *существо*+суффикс *-а-*.

Сочетание букв *ать* в глаголах – это сочетание глагольного суффикса *-а-* и инфинитивного окончания *-ть*. Формообразующая / формообразовательная морфема *-ть* трактуется как окончание в учебных комплексах Т. Ладыженской, С. Бархударова, М. Разумовской, как суффикс – в программах В. Бабайцевой. К примеру, в инфинитиве *думать* выделяется окончание/суффикс *-ть*, а в основе – корень и глагольный суффикс *-а-*: *дум/а/ть*.

Что касается второго примера *стаёт*, образование от глагола *становиться*, здесь мы видим неверный подбор спряжения. Глагольное окончание *-ет* (или *-ит*) идентифицирует 3-е лицо единственного числа. Похожие примеры: *пишет*, *решает*, *поёт*, *идёт*. Глагол с окончанием *-ет* относится к 1-му спряжению, а с окончанием *-ит* – ко 2-му. Итак, можно сделать вывод, что говорящий допустил ошибку в определении спряжения глагола: 2-е спряжение вместо 1-го.

Так же я хочу поехать в страну третьего мира и волонтировать.
Данный речевой пример относится к языковым нарушениям из группы заимствований. *To volunteer* означает *добровольно работать*.

Влияние грамматической системы языка происходит не только над исконным составом слов, но и над заимствованиями. Отсюда появляются относительно новые глагольные (и не только) заимствования, такие как «гуглить», «постить» и другие. Слово *волонтерствовать* (а правильное – «заниматься волонтерством») также вошло в русский язык не так давно, и его еще не принято считать вариантом нормы в научных кругах. Несмотря на то, что требуется определенное количество времени, чтобы слово “прижилось” в языке, монолингвы, а в особенности, эритажные носители, используют ненормированные заимствования в своей повседневной (или даже учебной) деятельности.

Созданное билингвом слово *волонтировать* приняло суффикс *-ова-*. Охарактеризуем пример слова с таким же суффиксом. *Чествовать*: *-в-*, *-ова-* – суффиксы, *-ть* – окончание/суффикс. Суффикс *-ова-* был подробнее описан выше. Итак, мы видим, что английское заимствование подчинилось системе правил русского языка. Примененный же суффикс *-ирова-*, в обсуждаемом примере, неверен, хотя и часто используется в англицизмах: коллективизировать, проектировать, стимулировать и тому подобные.

По такому особенному преобразованию не входящего в состав русского языка слова, мы видим, что эритажные билингвы осознают систему языка, способны фонетически и грамматически реализовать определенную лексему из доминантного языка в эритажном. Этим мы не подчеркиваем правильность вышеуказанного действия, мы лишь указываем на глубокое знание характеристик и черт лингвистического строя русского языка.

Нарушение видовременной соотнесенности глагольных форм встречается у представителей доминантных языков обеих групп. Разберем некоторые примеры.

(1) В итоге она приехала на работу, где она сначала звонит мужу, чтобы он не забыл погасить и выключить что-нибудь, явно печку какую-то, и чтобы он причесал, застегнул и надевал обувь на ребенка. Носитель норвежского языка составил распространенное сложноподчиненное предложение. Глагол *приехала* имеет форму прошедшего времени, когда следующий за ним глагол *звонит* – форму настоящего времени. Сослагательное наклонение, выражающееся аналитически с помощью частицы *чтобы*, имеет правильную форму прошедшего времени, выраженную в приведенных глаголах. Однако, категория вида соблюдена не в полной мере: *причесал*, *застегнул* – глаголы несовершенного вида, лимитированные по продолжительности действия. *Надевал* – глагол с выраженным аспектом длительности, посредством суффикса *-ева-*. Верно выстроенное предложение с однородными членами не может включать в себя глаголы с отличающимися, кардинально противопоставленными друг другу видовременными формами.

(2) *Рекламы, на их взгляд, надоедливые, бесконечно требующие, режут в глаза, страшные, то есть они изуродуют дома, дороги, поля и деревья.* В данном параграфе мы рассмотрим этот пример носителя доминантного английского языка только с точки зрения соотнесенности однородных глаголов в предложении. Этот пример снова обращает наше внимание на проблему соотнесенности однородных членов предложения между собой. *Режут* – настоящее время, *изуродуют* – будущее.

(3) *Те кто получают больше 20000€ за богатели с 2008 г. их очень мало.* Предложение франкофона сложно по своей структуре, что препятствует правильному восприятию смысла, однако выделенные глагольные формы не сходятся по категориям времени и вида. Глагол *получают* функционирует в настоящем времени, в то время как *разбогатели* (здесь за *богатели*) – прошедшее время. Избежать этой ошибки можно было бы построением верной структуры предложения, но это уже поле синтаксического анализа, не морфологического.

Отдельно вынесем нарушения при образовании безличных конструкций. Безличными называются глаголы, выражающие действия и состояния, протекающие сами по себе, без их производителя (субъекта).

Если мне многое может делать я читаю книгу или я смотрю телевизор. Автор данного предложения посчитал, что здесь должен быть выражен процесс или состояние, независимые от воли деятеля, поэтому употребил безличную конструкцию, начинающуюся с местоимения в родительном падеже – *мне*. Для верного завершения конструкции, по правилам русского языка, необходимо поставить глагол *мочь* в его модальную форму: *можно*, а не спрягать глагол, ставя его в 3-е лицо, единственное число: *может*. Помимо этого, в предложении мы видим повторение местоимения *я*, что типично для аналитических языков.

Неточности при определении возвратности и невозвратности глагола.

«В русском языке категория возвратности выделяется на основе оппозиции возвратный глагол – невозвратный <...> в английском языке, напротив, возвратность проявляет аналитическую природу, формально эксплицируясь в возвратной конструкции (то есть глагол в сочетании с возвратным местоимением *oneself*), а возвратных глаголов как таковых не существует» [Корепина 2015, 215]. Так описываются аналитические и синтетические черты при образовании возвратности глаголов на примере русского и английского языков.

В русском языке некоторые ученые выделяют «9 основных групп возвратных глаголов: 1) собственно-возвратные глаголы (пора подстричься); 2) взаимно-возвратные глаголы (друзья переписываются); 3) возвратные глаголы эмоций (восхищаться мужеством); 4) возвратные глаголы количественных и качественных изменений (увеличиваться, ускоряться); 5) косвенно-возвратные глаголы (записываться, обращаться); 6) возвратно-каузативные глаголы (лечиться, учиться); 7) активно-безобъектные глаголы (коровы бодаются); 8) пассивно-качественные глаголы (нитка рвётся); 9)

побочно-возвратные глаголы (держаться за поручни)» [Чагина 2009, 540]. Такой обширный аспект использования возвратных глаголов провоцирует сложности при составлении письменного высказывания нестандартными носителями языка. В особенности, если в доминантном языке билингва аспект возвратности выражен не в полной мере или отсутствует вовсе.

Разберем некоторые контекстуальные примеры с ошибочным формированием возвратных глаголов. *Определенная страна может использоваться благами глобализации, как например, свободное образование в других странах и лёгкий доступ информации, чтобы нанести ущерб другой стране.* Глагол *использоваться* имеет очень узкое назначение. Во-первых, этот глагол может относиться только к неодушевленным предметам. Например, радиий раньше использовался для приготовления светящихся красок. Во-вторых, по данному примеру мы видим, что глагол находится в страдательном залоге. Поэтому, речевой контекст, выделенный курсивом, содержит ошибку в лексическом выборе инфинитива в составе составного глагольного сказуемого.

Люди не должны бояться высказываться свое мнение. Глагол *высказываться* означает выражать свои мысли, идеи. При наличии объекта, глагол *высказывать* теряет свою возвратность. Помимо этого, причиной нарушения может быть совершенный / несовершенный вид глагола.

Также мы обратили внимание на ошибки в употреблении страдательных причастий: *В начале 90- тых языковая политика государства была переобсуждена.* Глагол *переобсуждать* – «несовершенный вид, переходный – Обсуждать снова, еще раз» [Большой толковый словарь русского языка 2012, 1004]. Словарь дает определение данному глаголу, однако, очевидно, что этот глагол является устаревшим. Использовать его в качестве краткого страдательного причастия будет ошибкой, несмотря на грамматически правильное оформление: глагол *быть* в прошедшем времени + основа + суффикс страдательного причастия *-н-*.

Ошибки в построении предложения с деепричастным оборотом также имеют место в письменной речи носителей эритажного русского языка.

Для примера возьмем высказывание носителя доминантного английского языка: *Сравняя фильм и повесть, мне показалось что очень хорошо подобрали Актёров*. Известно, что *-(а)я* – основное окончание при формировании деепричастия. Однако, необходимо помнить, что оно добавляется к основе слова (без инфинитивного окончания). Слово *сравнивать* имеет основу *сравнива*, и, прибавляя окончание *-я*, мы получаем форму деепричастия. Эритажный носитель, в свою очередь, ошибочным образом решил отсечь не только окончание (инфинитивный суффикс) *-ть*, но и два суффикса *-и-*, *-ва-*, лишив слова основы. Таким образом, мы снова сталкиваемся с ошибочным словообразованием.

Носители каждого из доминантных языков совершают те или иные нарушения с разной степенью частотности. Почти половина языковых нарушений, совершаемых носителями доминантного американского английского языка, – при написании существительных – 49 %. Сложнее всего дается согласование существительных и прилагательных в числе. Однако у носителей немецкого языка наибольшее количество ошибок сводится к глаголам – 42 %, где 15 % из 42 % ошибок совершается по части спряжения глагола. Билингвы с доминантным французским языком чаще всего ошибаются в имени существительном – 40 %, в котором согласование по числу – 19 %, а по роду – 11 %. У носителей норвежского языка 50 % речевых аномалий в области употреблений существительных, 33 % из которых – согласование по роду. Носители шведского также испытывают сложности при образовании существительных – 57 %, помимо этого, интересно отметить, что они также совершают ошибки при использовании местоимений – 14 %.

Как мы видим, довольно сложно указать в иерархическом порядке, какие ошибки совершаются под влиянием определенного доминантного языка. По наблюдениям, носители эритажного русского языка наиболее часто

совершают ошибки в значимых частях речи, таких как существительные, глаголы. Однако иногда, ввиду калькирования структур из доминантного языка, носители могут неверно написать местоимение, союз или предлог.

2.4.4 Калькирование языковых структур из доминантных языков

В предложениях носителей эритажного русского языка с определенной периодичностью возникают примеры с калькированием целых языковых структур из доминантного языка. Под языковыми структурами мы понимаем словосочетания, выражения с определенным порядком слов и стабильными лексическими единицами для семантического выражения. Примерами таких выражений могут послужить сборные союзы, вводные, фразеологические выражения и тому подобные.

Большое количество примеров калькирования союзов мы находим в предложениях англофонов: *Афро-американцев в США ущемляли во всех аспектах жизни, им не разрешалось ходить в те же церкви, садиться на те же автобусные лавочки и даже ходить в те же туалеты как белым*. В данном контекстуальном примере носителя эритажного русского языка с доминантным английским, прослеживается ошибка в написании части сборного союза *те же, что и*. Была произведена замена части *что и* на английское *as* от полной сравнительной конструкции *the same ... as*.

Подобное языковое нарушение находим в предложении другого билингвального носителя: *Автор также рассматривает этот вопрос с точки зрения национальной культуры, как русской, и социальных групп, как протестантов*. Подчеркнутые слова – калькирование сборного союза *as...as* из английского языка. В русском языке такая конструкция имеет несколько иную форму: *как...так и*.

Вы должны быть в состоянии позволить себе жить "американской мечты" и, таким образом, определяют тебя как "счастливый" на основе потребительского общества в котором мы живем сегодня. Пример носителя доминантного шведского языка иллюстрирует кальку описательной

конструкции. Вместо творительного падежа, автор использует союз, как аналитическое средство при сравнении объектов.

Яркий пример калькирования целой конструкции придаточного предложения мы находим у билингвального носителя шведского языка: *Каждый стремится к счастью но это не все, кто может найти его*. Для германских языков характерно наличие «излишнего» указания на предмет: например, в английском *it was ... (имя), who ...*, и соответственно, в шведском: *det var john vem*.

Нередка в примерах эритажных носителей мы встречаем нарушение фразеологичности. «Под фразеологическими сочетаниями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи принципиально бинарные сочетания слов, состоящие из компонента с фразеологически связанным значением и компонента с фразеологически не связанным значением, основанные на подчинительной связи между компонентами» [Гвоздарев 1973, 20]. Носитель доминантного английского языка написал в своем сочинении: *Рекламы, на их взгляд, надоедливые, бесконечно требующие, режут в глаза, страшные, то есть они изуродуют дома, дороги, поля и деревья*. Носитель языка изменил написание устойчивого сочетания *режет глаза*. «Семантическая несамостоятельность слова с фразеологически связанным значением проявляется и в том, что оно не может реализоваться в речи без обязательного слова-спутника: какого-то определенного слова с определенным значением или одного из нескольких слов с определенными значениями: потрянуть стариной, потрянуть молодостью, реветь белугой, резать глаз <...>» [Васильев 2015, 9]. Слово *требующие* было использовано в несвойственном ему значении. Вероятно, была калькирована семантика слова *demanding*. В русском языке прилагательное *требующий* – должно иметь объект, например, *требующий внимания*.

Калькирование структур из доминирующего языка – это процесс, от которого сложно избавиться носителям эритажного языка, так как влияние

доминантного языка на эритажный велико. Происходит калькирование союзов, целых языковых оборотов, и грамматических структур. Особенно сложно носителям эритажных языков дается понимание и верное написание фразеологических единств – так как они наименее часто используются в повседневной речи, а также имеют не прямое значение.

2.4.5 Типы речевых ошибок по значимости в коммуникативном акте

В нашей классификации мы разделили все языковые нарушения на коммуникативно-значимые и коммуникативно-незначимые. Такое разграничение важно при проведении анализа любого типа ошибок, так как основная задача их искоренения – достижение конструктивности диалога.

Как мы выяснили, ошибки естественных билингвов отличаются от ошибок, совершаемых монолингвами при изучении иностранного языка. Несмотря на тот факт, что носители эритажного русского языка являются нестандартными носителями языка, они осведомлены о системности языка, меньше подвержены интерференции. Такие носители языка наиболее часто прибегают к ошибочному словообразованию, неверному выбору падежной формы, склонения.

Наиболее ярко выражается граница между иностранным и эритажным языком в том, что носители последнего строят предложения таким образом, что адресант понимает значение высказывания, даже при наличии ошибок. Такие ошибки называются коммуникативно-незначимыми. Коммуникативно-значимые ошибки чаще всего совершаются монолингвами, при изучении иностранного языка, однако эритажный носитель также может совершить такую ошибку.

Опираясь на цифры, можно утверждать, что 90 % из всех контекстуальных примеров, отобранных нами в РУК, – это ошибки, которые не препятствуют акту коммуникации, то есть коммуникативно-незначимые.

Иллюстрируя вышесказанное, рассмотрим некоторые контекстуальные примеры коммуникативно-значимых речевых ошибок из РУК,

проанализируем их и попытаемся установить природу данных языковых нарушений.

Довольно непростая задача сопоставить семантику и графическую оболочку слова *победимое* в примере носителя доминантного английского языка: *Как помочь Российской сборной вернуться в победимое русло?* Сочетание *непобедимое русло* может трактоваться совсем неоднозначно. В русском языке существуют два слова со схожей семантикой: «*непобедимый* – такой, которого трудно, невозможно победить» [Большой толковый словарь русского языка 2012, 899] и «*победный* – принесший победу, исполненный побед» [там же, 971]. Определения проводят четкую временную границу: *непобедимый* – состояние, *победный* – отражающий прошлую победу. На наш взгляд, эритажный носитель произвел ошибочную деривацию нового слова из двух, описанных выше, с разным лексическим значением.

Подобное смешение лексем рассмотрим в следующем примере: *В английском « а. т.» (от латынского “ante meridiem”) – это время до полудня, “ р. т.” (“ post meridiem”) – это пополудень. Смешение выражений: устаревшее наречие *пополудни* и существительное *полдень*.*

Ситуацию ошибочного словообразования, которое делает смысл сказанного неясным, мы находим в другом примере: *Самая длинная река-Лена, самая полноводная река Енисей и на ерпической части самая длинная Волга.* Очевидно, что слово *ерпический* должно являться прилагательным, что мы определяем по его местоположению в предложении, а также окончанию. Однако, данное слово отсутствует в словарном составе русского языка. Разметка корпуса указала, что автор имел в виду *европейской*, что является прилагательным в женском роде. Ввиду недостаточной письменной практики языка, эритажный носитель использовал фонетическое письмо, то есть написал то, с чем сталкивался только в ситуации устного общения.

Русский человек щедрый, гостеприимный и уходчивый. Здесь ошибочное словообразование влечет двойственное понимание. Семантика слова *уходчивый* неясна. Вероятно, носитель языка намеревался выразить семантику слова *гостеприимный*, но ввиду скудного словарного запаса, эритажный носитель использовал выражение *уход за кем-либо* как основу для образования нового слова.

На протяжении всей работы мы делаем акцент на том, что причиной большинства затруднений эритажных билингвов при письменном высказывании – это усвоение языка в детском возрасте, а значит устное усвоение. Докажем наши утверждения примером фонетического письма носителя доминантного английского языка: *А в моем родном языке, единствинный подобный пример которы я нашол, это когда мы спрашиваем цокавото время, в русском языке можно ответеть «сейчас премерно седьмой час*. Редукция окончания – *которы* – исчезновения согласного в конце («который»). Несоблюдение самых простых школьных правил орфографии, при написании таких орфограмм как «жи-ши», которые монолингвы усвоили со школы. Некоторые словосочетания слились в одно слово: *цокавото* – «у кого-то». Такой пример ярко иллюстрирует тот факт, что эритажные билингвы используют письменную речь меньше, чем устную.

Кроме того, эритажные билингвы, изменять части речи там, где это, по правилам языка, сделать невозможно: *На самом деле, часто матовые слова не используют в прямом смысле и значение тут не причем, а важнее отрицательная энергия*. Слово *мат* – может использоваться только в качестве существительного и склоняться по падежам. Таким образом, данное слово не может испытать на себе процесс деривации.

Устная речь отличается от письменной, в частности, тем, что при устном общении люди могут опускать некоторые части предложения. Такой феномен называется эллиптическим предложением. *В отличие от Запада, постсоветские гастарбайтеры обычно не или приглашений правительства*.

Пропуск члена предложения делает его невозможным для верной интерпретации.

Коммуникативно-значимые речевые ошибки, анализ некоторых мы привели выше, несомненно, влияют на конструктивность диалога. Понимание собеседников – ключевая особенность успешной коммуникации. Ошибки естественных билингвов отличаются от ошибок, совершаемых монолингвами при изучении иностранного языка, на это указывает не только процентное соотношение совершенных коммуникативно-незначимых ошибок из всех найденных: 90 %, но и тот факт, что они меньше подвержены влиянию языковой интерференции. Поэтому носители эритажного языка наиболее часто прибегают к ошибочному словообразованию и построению языковых конструкций, неверной деривации и неправильному построению предложения.

Выводы по главе 2

Анализ ошибок разной направленности показывает, что большинство речевых нарушений в письме носителей эритажного языка скрывает под собой определенные причины, побуждающие носителя поставить то или иное окончание, изменить слово целиком, выбрать другую часть речи.

Бесспорно, влияние доминантного языка на эритажный язык велико. Анализируя контекстуальные примеры, мы поэтапно раскрыли природу ошибок, проанализировали их характер, определили интерферентные проявления из доминантного языка.

Как мы выяснили, языковая интерференция с доминантного языка на эритажный – не единственная причина. Более того, некоторые нарушения в принципе не могут быть обоснованы причинами интерференции ввиду отсутствия проведения лингвистических параллелей между конкретными языковыми единицами в особом языковом окружении (контексте) и их эквивалентами из доминантного языка. Обоснование причин, лежащих в основе таких «немотивированных» ошибок, может сводиться к причинам нелингвистической направленности, таким как: усталость и невнимательность. Однако, большинство найденных примеров раскрывает ряд дополнительных причин: усвоение языка в устной форме в детстве, отсутствие письменной практики эритажного языка, не только в рамках научных, но и письменных бытовых текстах, скудный словарный запас на эритажном языке.

Также мы обратили внимание на коммуникативно-значимые ошибки. Таковыми оказались 10 % ошибок из всех, найденных в корпусе. Методистам РКИ стоит в особенности обратить внимание на устранение коммуникативно-значимых морфологических ошибок в письменной речи, так как такие ошибки препятствуют пониманию в процессе коммуникации.

Заключение

Предметом нашего исследования выступили типологизация, социолингвистический и коммуникативный аспекты морфологических ошибок. Исследования такого характера приобрели особую актуальность в процессе глобализации, когда большое количество людей эмигрируют за рубеж, а их дети вынуждены учить язык родителей только дома, при устном общении, отчего грамотность носителя эритажного языка снижена.

В работе были раскрыты такие понятия как: «билингвизм», «эритажный язык», «языковая интерференция», «калькирование». Под естественным билингвизмом понимается овладение языком в раннем возрасте. В свою очередь, эритажный (унаследованный) язык неразрывно связан с естественным билингвизмом, так как эритажный язык усваивается билингвом в раннем детстве от родителей, что и составляет корень понятия “heritage” – «унаследованный». Калькирование – это вид лингвистической интерференции (языкового переноса), как правило, поморфемный перевод слов или копирование структур из доминантного языка. Интерференция – неосознанный перенос билингвом элементов одного из своих языков на эритажный. Таким образом, сталкиваются две языковые системы, и для адресата высказывание воспринимается в виде необычной, в конкретной ситуации, интонации, неверного окончания или приставки, странного порядка слов, непонятной лексической сочетаемости или метафоры. Оба процесса возникают под влиянием доминантного языка.

Были выделены особенности эритажного русского языка. Унаследованный язык является родным для билингва, но тем не менее, такой носитель языка считается нестандартным, ввиду особенностей использования языка. Билингв отличается от монолингва тем, что использует две языковые системы в непересекающихся коммуникативных ситуациях и только при определенных социальных ролях. Так был сделан вывод о том, что носитель

эритажного языка ограничивается более простыми словами и конструкциями в общении на недоминантном языке.

На основе научной литературы, была разработана классификация морфологических ошибок, допускаемых билингвами в письменной речи на эритажном русском языке. Принцип классификации – выделение морфологических ошибок по частям речи. Мы провели анализ контекстуальных примеров, найденных в корпусе Русских учебных текстов. Под рассмотрением были ошибки носителей эритажного русского языка с доминантными языками германской и романской группы. Для анализа морфологических ошибок носителей эритажного русского языка, мы внесли в классификатор системы экспертного анализа «Лингвистика» 3 классификации: 1) классификацию по профилю «эритажника» (пол, доминантный язык), 2) классификация ошибок по частеречной принадлежности, 3) классификация по оценке коммуникативной значимости ошибки.

Такие параметры классификации дали возможность не только проанализировать причины совершения ошибок, но и установить их природу, закономерность их совершения, частотность. Интерференция, калькирование языковых структур из доминантного языка в эритажный – основные причины языковых нарушений.

Как показало исследование, наиболее часто носители эритажного русского языка совершают ошибки в существительных – 47 % из всех найденных примеров, глаголах – 23 %, прилагательных – 17 %, местоимениях и предлогах – по 4 %, наречиях и союзах – по 2 %. По наблюдениям, англофоны совершают большее количество ошибок при образовании падежной формы, носители доминантного немецкого языка – в словообразовании, носители французского – при образовании числовой формы, носители шведского – в основном, при построении структуры предложения, норвежского – в видовременных формах глагола. Зависимость

ошибок от пола не была обнаружена: в целом, контекстуальных примеров носителей эритажного языка женского пола в корпусе больше (80 %), чем мужского (20 %).

Ошибки естественных билингвов отличаются от ошибок, совершаемых монолингвами при изучении иностранного языка, на это указывает не только процентное соотношение совершенных коммуникативно-незначимых ошибок из всех найденных (90 %), но и тот факт, что эритажные билингвы меньше подвержены влиянию языковой интерференции, чем изучающие иностранный язык. Так носители унаследованного языка наиболее часто прибегают к ошибочному словообразованию и построению языковых конструкций, неверному выбору падежной формы, склонения. На такие языковые нарушения стоит обратить внимание при создании дидактических материалов по РКИ.

Ввиду проделанной работы, перед нами встали новые исследовательские задачи, такие как: классификация синтаксических, орфографических, пунктуационных ошибок в эритажном русском языке и определение их характера. Особый исследовательский интерес для нас выражается в классификации ошибок в фразеологических единствах. Помимо классификации, проведение сравнительного анализа речевых ошибок носителей унаследованного русского языка, а также разработка методических рекомендаций для преподавателей РКИ стало бы кульминацией исследования по данной теме.

Список использованной литературы

- 1) Алоян Н. Л. Феномен страдания в архаическом обществе / Н. Л. Алоян // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 1. – С. 86–89.
- 2) Амиева А. М. Инструменты корпусной лингвистики / А. М. Амиева, В. В. Филимонов, А. П. Сергеев // 2-я Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Информационные технологии, телекоммуникации и системы управления»: сборник докладов. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ. – 2016. – С. 251–260.
- 3) Багана Ж. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния / Ж. Багана, А. Н. Безрукая, М. В. Тарасова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1. – С. 5–10.
- 4) Багана Ж. Компаративный анализ развития морфологии английского и немецкого языков. Реконструкция этапов эволюции / Ж. Багана, Е. В. Бондаренко // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2011. – № 10 (225). – С. 23–25.
- 5) Басте З. Ю. Картина мира билингвальной языковой личности: лингвокогнитивные особенности / З. Ю. Басте // Адыгея: Вестник АГУ. – 2019. – № 1 (232). – С. 17–22.
- 6) Башкова И. С. Нейропсихологическая характеристика билингвизма / И. С. Башкова // Вопросы психолингвистики: Образовательное частное учреждение высшего образования «Московская международная академия». – 2013. – С. 52–69.
- 7) Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник / В. П. Белянин. – М.: Московский психолого-социальный институт. – 2003. – 232 с.
- 8) Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского) / Бим И. Л. – Тверь: Титул. – 2001. – 48 с.
- 9) Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт. – 2012. – 1534 с.

- 10) Будник Е. А. Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому языку / Е. А. Будник // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 3 (36). – С. 171–179.
- 11) Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // *Новое в лингвистике*. – М.: Прогресс. – 1972. – Вып. VI. – С. 25–80.
- 12) Васильев А.И. Фразеологический словарь языка М.А. Шолохова / А. И. Васильев. – Стерлитамак: изд-во Фобос. – 2015. – Том I. – 421 с.
- 13) Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ. – 1969. – 162 с.
- 14) Выренкова А. С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «Эритажный» («унаследованный») русский язык / А. С. Выренкова. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», ин-т русс. яз. РАН им. В.В. Виноградова. – 2014. – С. 3–19.
- 15) Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та. – 1973. – 105 с.
- 16) Головин Б. Н. Основы культуры речи: учебник для вузов / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа. – 1988. – 320 с.
- 17) Грибанова Т. И. Тенденции употребления генитива в современном английском языке / Т.И Грибанова, Т.Н. Коршунова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – М.: Мос. гос. лингв. ун-т. – 2017. – С. 104–117.
- 18) Грудева Е. В. Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса / Е. В. Грудева, И. А. Бучилова, Н. А. Волкова // *Череповецкий гос. ун-т*. – 2018. – № 5 (86) – С. 63–72.
- 19) Ермакова Л. М. О корпусном подходе к изучению ошибок при билингвизме / Л. М. Ермакова // *Вестник Пермского университета*. – 2012. – Вып. 3 (19) – С. 34–44.

- 20) Зенович Е. С. Словарь иноязычных слов и выражений / Сост. Е. С. Зенович. – М.: Олимп АСТ. – 2006. – 784 с.
- 21) Знаменская Т. А. Проблемы билингвизма и его влияния на языковую личность / Т. А. Знаменская // Инновации в образовательных учреждениях / Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – № 3. – С. 42–46.
- 22) Калашникова Л. В. Проблемы билингвизма / Л. В. Калашникова, Л. Н. Жилина // Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина. – 2017. – С. 5–19.
- 23) Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука. – 1989. – С. 3–8.
- 24) Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука. – 1987. – 264 с.
- 25) Кахужева З. К. Особенности порядка слов в русском предложении / З. К. Кахужева // Евразийское научное объединение Адыгейский гос. ун-т. – 2018. – № 6–2 (40) – С. 108–106.
- 26) Колыхалова О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: дисс.... док. фил. наук: 09.00.11 / О. А. Колыхалова; Мос. пед. гос. ун-т. – М. – 1999. – 275 с.
- 27) Корепина Н. А. Возвратные конструкции с глаголами физического действия / Н. А. Корепина // Иркутск: ИрГТУ. – 2015. – С. 215–219.
- 28) Котик Б. С. Нейропсихологический анализ билингвизма / Ред. А. В. Брушлинский, В. С. Шустиков, Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1988. – Том 9, № 3. – С. 139–148.
- 29) Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис». – 2002. – 284 с.
- 30) Кыштымова Т. В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике / Т. В. Кыштымова // Вестник ЧГБУ «Филология и искусствоведение». – 2014. – № 6 – С. 237–244.

- 31) Ладыгина А. А. Изменения в предложных конструкциях в эритажном русском (Russian Heritage language) / А. А. Ладыгина // IV конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». – 2015. – С. 621–639.
- 32) Легостаева О. В. Билингвизм и проблемы межкультурной коммуникации / Легостаева О. В. // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. – С. 94–103.
- 33) Липчанская В. В. Билингвизм как языковое и социокультурное явление в эпоху мультикультурализма и глобализации / В. В. Липчанская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 3 – С. 46-54.
- 34) Литвиненко Е. Ю. Современный билингвизм как доминанта мультикультуральной модели социализации: дисс. ... док. соц. наук: 09.00.11. / Е. Ю. Литвиненко; Южный фед. ун-т. – Ростов н/Д. – 2000. – 207 с.
- 35) Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Academia. – 2001. – 208 с.
- 36) Милиева М. Г. О психолингвистике и нейролингвистике билингвизма / М. Г. Милиева // Вопросы науки и образования. Иваново: Олимп. – 2018 – № 8 (20). – С. 173–174.
- 37) Мир языков: ракурс и перспективы / отв. за вып. Н. Н. Нижнева // сборник материалов IX Международной науч.-практ. конф. – Минск: БГУ. – 2018. – С. 227–232.
- 38) Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки». – 2002. – 192 с.
- 39) Потапова Л. С. Классификация ошибок письменной речи: неточность употребления терминов / Л. С. Потапова // Русский язык в школе. М.: Мос. гос. обл. соц.-гум. инст. – 2015. – С. 26–30.

- 40) Ребко А. В. Лингвистическая интерференция и ее виды на примере русского и французского языков / А. В. Ребко // сборник материалов IX Международной науч.-практ. конф. – Минск: Белорусский гос. ун-т. – 2018. – С 227–232.
- 41) Рогозина Н. Н. Описание корпуса интерязыка / Н. Н. Рогозина // Иркутский гос. тех. ун-т. – 2012. – № 3. – С. 7–11.
- 42) Руденко Е. Н. Введение в германскую филологию: курс лекций / Е. Н. Руденко – Минск: БГУ. – 2008. – 167 с.
- 43) Русакова М. В. Сбои при порождении словоформы в устной речи как результат спонтанного взаимодействия стратегий и механизмов / М. В. Русакова // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. – 2007. – Вып. 20. – С. 59–71.
- 44) Русская грамматика Том I / Ин-т русского языка АН СССР; под ред. Н. Н. Барской и Н. Г. Герасимовой. – М.: Наука. – 1980. – 792 с.
- 45) Серова Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур / Т. С. Серова // Язык и культура. – 2010. – № 4. – С. 44–56.
- 46) Сиднева Т. Б. Шум и музыка: логика взаимопревращений / Т. Б. Сиднева. – Н. Новгород: Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. – 2012. – №146. – С. 25–33.
- 47) Смоловская Е. А. Ошибки нестандартных говорящих: некоторые особенности русской речи иностранцев с доминирующим английским / Е. А. Смоловская // СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ». – 2015. – С. 242–246.

48) Солнцева А. В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации / А. В. Солнцева // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3. – С. 124–133.

49) Сорокин Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты / Ю. А. Сорокин, Марковина И. Ю. // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. тр. Калинин. – 1983. – С. 27–35.

50) Тамерьян Т. Ю. Проблемы естественного и искусственного билингвизма / Т. Ю. Тамерьян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – С. 54–60.

51) Томашева И. В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны / И. В. Томашева // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена. – 1995. – С. 50–60.

52) Томашпольский В. И. Романское языкознание в 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов / В. И. Томашпольский. – М.: Издательство Юрайт. – 2018. – 267 с.

53) Федорова Л. Ю. Билингвизм в условиях глобализации: социологические аспекты Филологические науки. Вопросы теории и практики / Л. Ю. Федорова. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 12 (78) – С. 159–163.

54) Хакимова Ш. Р. Лакуны как лингвистическое явление / Ш. Р. Хакимова // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 420–422.

55) Харитонов А. А. Типологическая общность в развитии германских языков / А. А. Харитонов // Вестник ЧелГУ. – 2013. – Вып. 83. – С. 142–145.

56) Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.: Прогресс. – 1972. – Вып. 6 – С. 61–80.

57) Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение / С. Н. Цейтлин. – М.: Просвещение. – 1982. – 143 с.

- 58) Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин // Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 2000. – 240 с.
- 59) Чагина О. В. Возвратные глаголы и их функционирование / О. В. Чагина // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Мос. ун-та. – 2009. – С. 540–564.
- 60) Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский – М.: Советский писатель. – 1970. – С. 15–17.
- 61) Шарикова Л. А. Языкознание и литературоведение. Понятие «картина мира» в современной лингвистике / Л. А. Шарикова // Вестник КемГУ. – 2011. – С. 164–167.
- 62) Baker C. Encyclopedia of bilingual education and bilingualism / C. Baker, S. P. Jones. – UK: Clevedon. – 1998. – 484 с.
- 63) Bhatia T. K. The Handbook of Bilingualism (Blackwell Handbooks in Linguistics) / T. K. Bhatia, C. William, T. Ritchi. – UK: Blackwell Publishing, Oxford. – 2006. – P. 884.
- 64) Cantone K. F. Code-Switching in Bilingual Children / K. F. Cantone. – Netherlands: Springer. – 2007. – 296 p.
- 65) Dijkstra T. Bilingual visual word recognition and lexical access / T. Dijkstra // In Kroll & de Groot. – 1999. – P. 179–201.
- 66) Ellis N. Construction grammar and second language acquisition / G. Trousdale, Th. Hoffmann // The Oxford handbook of construction grammar. – Oxford. – 2013. – 27 p.
- 67) Ellis R. The study of second language acquisition. / R. Ellis. – Oxford. – 2003. – 824 p.
- 68) Fishman J. A. 300-plus years of heritage language education in the United States / Peyton J. K., Ranard D. A., and McGinnis S. (Eds.) // Heritage Languages in America: Preserving a National Resource. – Washington D. C. – 2001. – P. 81–98.

- 69) Hamers J. F. Bilinguality and Bilingualism / J. F. Hamers, H. A. Blanc. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2000. – 2nd edition. – 468 p.
- 70) Kelleher A. What is a heritage language / A. Kelleher. – Davis: University of California Center for Applied Linguistics. – 2010. – P. 1-4.
- 71) Laurie S. S. Lectures on Language and Linguistic Method in School / S. S. Laurie. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1890. – 154 p.
- 72) Mustajoki A. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non-standard Russian / A. Mustajoki. – Helsinki. – 2010 – P. 5–16.
- 73) Odlin T. Language transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning / T. Odlin. – Cambridge: University Press. – 1989. – 210 p.
- 74) Polinsky M. Heritage languages and their speakers / M. Polinsky – Cambridge: University Press. – 2018. – 434 p.
- 75) Polinsky M. Heritage languages: In the ‘wild’ and in the classroom / M. Polinsky, O. Kagan // Language and Linguistic Compass. – 2007. – P. 368–395.

Электронные источники

- 76) Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] – М. 2005–2019. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).
- 77) ИСЭА «Лингвистика» – Екатеринбург. – Режим доступа: <http://93.88.178.43:8080/#/projects> (дата обращения: 10.05.2021)
- 78) Cambridge dictionary [Electronic resource] / Cambridge University Press. – Cambridge. – 2021. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.09.2020).
- 79) Heritage Language Journal [Electronic resource] / The Regents of the University of California. – 2021. – Mode of access: <https://www.heritagelanguages.org/Journal.aspx> (дата обращения: 14.09.2020).
- 80) RLC: Russian Learner Corpus [Electronic resource] – М. – 2007–2019. – Mode of access: <http://web-corpora.net/RLC> (дата обращения: 07.08.2020).

Приложения

Приложение А

Профиль «эритажника»

Пол

- женский
- мужской

Доминантный язык автора

- американский английский
- немецкий
- французский
- итальянский
- норвежский
- шведский

Типы морфологических ошибок

РО в употреблении числительных

- Ошибочное словообразование
- Падежное окончание числительных
- Склонение числительного по роду

РО в употреблении существительных

- Ошибочное словообразование
- Отсутствие согласования в числе
- Определение (не)одушевленности
- Падежное окончание существительных
- Определение рода

РО в употреблении глаголов

- Ошибочное словообразование
- Подбор спряжения
- Видовременной аспект глагола
- Определение (не)возвратности
- Деформация инфинитива
- Образование безличной формы
- Употребление (дее)причастия

РО в употреблении прилагательных

- Ошибочное словообразование
- Полнота / краткость прилагательных

- Степени сравнения
- Падежное окончание прилагательных
- Согласование по роду с существительным

РО в употреблении наречий

- Ошибочное словообразование
- Неверный лексический подбор наречия

РО в употреблении местоимений

- Ошибочное словообразование
- Дублирование подлежащего
- Падежное окончание местоимений
- Употребление возвратных местоимений
- Постановка лишнего местоимения
- Согласование по роду с существительным

РО в употреблении предлогов

- Ошибочное словообразование
- Постановка лишнего предлога
- Пропуск предлога
- Замена другим (синонимичным) предлогом

РО в употреблении союзов

- Подбор союза
- Порядок следования союзов в предложении

Типы РО по значимости в акте коммуникации

- Коммуникативно-значимая ошибка
- Коммуникативно-незначимая ошибка

Снимки экрана из ИСЭА «Лингвистика»
(процентное соотношение результатов проанализированных контекстов
с морфологическими ошибками)

Дерево параметров	Количество фрагментов	% по отношению к корневому параметру	% от всего количества фрагментов
✓ Профиль "эритажника"	297	100	100
✓ пол	297	100	100
женский	237	79.8	79.8
мужской	60	20.2	20.2
✓ доминантный язык автора	297	100	100
американский английский	207	69.7	69.7
немецкий	19	6.4	6.4
французский	52	17.51	17.51
норвежский	12	4.04	4.04
шведский	7	2.36	2.36
✓ Типы морфологических ошибок	297	100	100
✓ РО в употреблении существительных	139	100	46.8
число: отсутствие согласования	54	38.85	18.18
число: Singularia / Pluralia tantum	8	5.76	2.69
число: единственное / множественное	10	7.19	3.37
одушевленность / неодушевленность	1	0.72	0.34
падежное окончание	40	28.78	13.47
род	17	12.23	5.72
ошибочное словообразование	9	6.47	3.03
✓ РО в употреблении глаголов	67	100	22.56
спряжение (окончание)	22	32.84	7.41
время	2	2.99	0.67
вид	5	7.46	1.68
возвратность / невозвратность	7	10.45	2.36
инфинитив (быть / являться)	0	0	0
деформация инфинитива	6	8.96	2.02
ошибочное словообразование	20	29.85	6.73
образование формы / употребление безличных глаголов	1	1.49	0.34
образование формы / употребление деепричастия	2	2.99	0.67
образование формы / употребление причастия	2	2.99	0.67
✓ РО в употреблении прилагательных	51	100	17.17
полнота / краткость	10	19.61	3.37
степени сравнения	2	3.92	0.67
падежное окончание	8	15.69	2.69
согласование по роду с существительным	4	7.84	1.35

слитное / раздельное написание	1	1.96	0.34
образование формы прилагательного	26	50.98	8.75
✓ РО в употреблении наречий	7	100	2.36
слитное / раздельное написание	2	28.57	0.67
образование формы наречия	4	57.14	1.35
выбор наречия	1	14.29	0.34
✓ РО в употреблении местоимений	13	100	4.38
дублирование подлежащего	2	15.38	0.67
падежное окончание	3	23.08	1.01
употребление возвратных местоимений	1	7.69	0.34
согласование по роду с существительным	4	30.77	1.35
лишнее местоимение	3	23.08	1.01
✓ РО в употреблении предлогов	13	100	4.38
пропуск предлога	2	15.38	0.67
замена другим предлогом	4	30.77	1.35
замена синонимичным предлогом	3	23.08	1.01
ошибки в написании предлога	4	30.77	1.35
✓ РО в употреблении союзов	7	100	2.36
выбор союза	5	71.43	1.68
порядок следования союзов	2	28.57	0.67
✓ Типы РО по значимости в акте коммуникации	297	100	100
коммуникативно-значимая ошибка	31	10.44	10.44
коммуникативно-незначимая ошибка	266	89.56	89.56